

авантюристическая
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ЧАСОВНЯ

ПОГУБЛЕННЫХ ДУШ

Антон Валерьевич Леонтьев

Часовня погубленных душ

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=593905

Часовня погубленных душ: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-47320-5

Аннотация

Четверо юных выпускников на роскошном кабриолете Никиты Стеколыщикова, сына мэра города, решили прокатиться после школьного бала на... кладбище! Ночь, покосившиеся кресты и надгробия, полуразрушенная часовня, а в ней почему-то горят свечи... Кто их зажег в этом странном месте? Здесь было обнаружено логово жуткого маньяка по прозвищу дядя Крюк, двадцать пять лет назад терроризировавшего Заволжск, но ведь его тогда поймали и казнили разъяренные горожане... Любопытные молодые люди все же забрались в часовню, и там на них напал неизвестный! Подруга Никиты не смогла убежать... Убийство в точности повторяло почерк маньяка. Неужели ему удалось спастись? Или в наши дни кто-то решил продолжить цепочку преступлений? Втайне ото всех в городе возобновляет свою деятельность общество «Победи дядю Крюка». Как и четверть века назад, его возглавляет Екатерина Стеколыщикова, ныне мэр города...

Содержание

Заволжск. Наши дни	5
Илья Новгородцев	56
Надя Панченко	98
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Антон Леонтьев

Часовня погубленных душ

*«Раз, два, три, четыре, пять —
вышел монстр нас убивать!»*

* * *

*Дядя Крюк, дядя Крюк,
Наколи мой глаз на сук,
В Волге череп утопи,
Руки-ноги оторви,
Разбросай по клумбе кости,
Пригласи детишек в гости.
Угости их мясом, кровью,
Запытай ты их до боли,
Взрежь живот и вынь кишки,
Положи ты их в мешки,
Отнеси на рынок это,
И продай мяско соседям.
Пусть едят своих детишек,
Жарят, парят, запекают,
В обе щеки уминают!
Дядя Крюк, дядя Крюк,
Точишь ты свой острый крюк?
Хочешь нас к себе забрать,
Черепу нам оторвать?
Ты живешь в аду, конечно,
Самый страшный в мире грешник!
Мы тебя боимся страшно!
Дядя Крюк, ты самый важный!*

*Раз, два, три, четыре, пять —
Вышел Крюк нас убивать!»*

*Детская страшилка, посвященная серийному убийце
Р. А. Онойко (прозвище в народе: «Дядя Крюк»),
лишившему жизни в начале 80-х годов XX века в
г. Заволжске и окрестностях не менее 27 детей и
подростков.*

Заволжск. Наши дни

— А вот и мой сюрприз, крошка! — провозгласил Никита и указал на желтый кабриолет, припаркованный на тротуаре. — Как, нравится?

Он победоносно взглянул на Марину. Девушка, затаив дыхание и распахнув глаза, уставилась на шикарную иномарку.

— «БМВ», последняя модель, — заявил вальяжно Никита, подходя к автомобилю. — Мать подарила к окончанию школы. Ты ведь знаешь, ради меня она на все пойдет!

Действительно, ни для кого не было большим секретом — мать Никиты обожала своего единственного отпрыска. Да и могла сделать дорогуший подарок, четырехместный кабриолет, который стоил бешеных денег, — недаром же мать Никиты была успешной предпринимательницей, а с недавних пор — и мэром города.

– Ну и дает твоя матушка! – произнес в восхищении Тимофей, разглядывая обновку приятеля. – Где ж она такой в нашем Заволжье раздобыла? Наверняка в столице специально заказывала.

Родители Тимофея тоже были далеко не бедными людьми, однако позволить себе подобный презент собственному сыну не могли. Что и говорить – госпожа мэр в своем Никитке просто души не чаяла!

– Ой, какая красивая машинка! Такие только в фильмах про жизнь зарубежных миллионеров показывают! – воскликнула Оксана, подруга Тимофея, и, захлопав в ладоши, лучезарно улыбнулась Никите.

Тимофею это не понравилось. Он давно заметил, что Оксана совсем даже не прочь завести роман с его лучшим другом, однако не устраивать же из-за этого скандал... К тому же он был уверен, что Никита без ума от своей Марины.

Со стороны ночного клуба «Змей Горыныч» доносились оглушительная музыка, вопли и смех. Стояла самая короткая ночь года, и выпускной бал был в самом разгаре.

– Ой, мальчики, а как бы на ней прокатиться-то? – закатив глаза, произнесла Оксана и тряхнула золотистыми кудрями. И, взглянув на Никиту заискивающе, добавила: – Мы ведь можем на ней прокатиться?

Тима сухо прервал ее:

– Ты же прекрасно знаешь, что садиться за руль можно, только когда тебе исполнится восемнадцать.

Но Никита подмигнул Оксане:

— Конечно, мы можем прокатиться. Что сейчас, собственно, и сделаем! Или, думаете, я вам просто так презент матери показываю?

— Постой, Никита, как же так... — начала обеспокоенно Марина, которую больше волновало не то, что ее приятелю еще не исполнилось восемнадцати, и не то, что на вечеринке он уже изрядно принял на грудь, а то, что рядом находилась Оксана. Когда-то девушки были лучшими подругами. Хотя, впрочем, таковыми они считались и сейчас. Однако Марина не была душой и прекрасно понимала, что Оксана пытается закадрить ее Никиту. Вот ведь мерзавка! Она как-то уже выясняла с ней отношения по этому поводу, перепалка перешла в настоящую драку, в которой Марина даже выдра-ла Оксане клочок волос. Пришлось, правда, потом просить у нее прощения — Никита настоял! Но в душе девушка затаила злобу на спесивую и глупую блондиночку. Если та думает, что сможет отобрать у нее Никитку, то жестоко ошибается! Ей ли, Марине, не знать, о чем помышляет эта идиотка — захватить самого красивого и богатого парня и выскочить за него замуж...

Марина попыталась убедить Никиту, что ему не надо садиться за руль, хотя ей ужас как хотелось прокатиться на шикарном кабриолете. Но она мечтала прокатиться с ним одна, а не в компании с Тимой и со змеей Оксаной!

Однако Никита уже плюхнулся на кожаное сиденье и, об-

локотившись на полированную поверхность дверцы, заявил:

– И что с того, что мне еще нет восемнадцати? Через два месяца исполнится же! А права у меня имеются! Да и кто посмеет тормознуть меня, сына мэра?

Это был сильный аргумент. Матушка Никиты, Екатерина Станиславовна, ставшая два года назад главой исполнительной власти города Заволжска, прочно сидела в своем кресле и была на «ты» со всеми начальниками. Даже если кто-то и рискнул бы остановить кабриолет, управляемый ее несовершеннолетним сыном, находящимся в легкой степени опьянения, то никому бы не пришло в голову задержать молодого человека и его друзей. Ну, развлекаются ребята... Еще бы, у них есть на то полное право – они ведь получили аттестат зрелости, что и отмечают в самом престижном ночном клубе города после тяготной церемонии в школе. Ребята теперь взрослые, им все дозволено. В особенности если мать одного из них держит в кулаке весь Заволжск!

Тима, кажется, тоже колебался, а вот Оксана уже приняла решение. Шурша своим серебристым платьем, она опустилась на сиденье рядом с водительским и, положив изящную головку, обрамленную платиновыми кудрями, на плечо Никите, пропела:

– Пусть Мариша и Тима здесь останутся, а мы с тобой прокатимся с ветерком!

Марину и Тимофея ее слова подстегнули к решительным действиям. Марина подошла к кабриолету, распахнула двер-

цу и заявила, обращаясь к лучшей подруге:

– Оксаночка, душечка, это мое место! Около Никиты, я имею в виду. А ты перебирайся назад, к Тиме.

Надув губки, Оксана подчинилась. Марина опустилась на кожаное сиденье, положила Никите на плечи руки, а затем поцеловала в губы. Она добивалась одного – чтобы идиотка Оксана раз и навсегда запомнила: Никита ей не пара. И принадлежит он исключительно Марине. Девушка знала, что Никита скоро покинет провинциальный Заволжск и отправится на учебу в Москву, однако в ее планы не входило расставаться с ним. Они же прямо-таки созданы друг для друга! И рано или поздно поженятся!

Оторвавшись от губ Никиты, Марина чуть повернула голову и посмотрела на Оксану, усевшуюся на заднее сиденье. На лице соперницы замерла чрезвычайно злобная мина. Марина снова припала к губам Никиты, не сомневаясь, что одержала победу над нахалкой.

– Ну, так мы сегодня куда-нибудь поедем? – раздался капризный голос Оксаны. – Или вы все лизаться будете? Может, ты, Никитка, только на словах водить умеешь?

Конечно, Никита поспешил доказать, что не только на словах. Кабриолет взревел и рванул с места. В лицо Марине ударил теплый июньский ветерок. За несколько мгновений автомобиль разогнался до порядочной скорости, оставив позади ночной клуб и одноклассников.

Спеша продемонстрировать свое мастерство, Никита про-

скочил перекресток на красный сигнал светофора, автомобиль понесся вперед по проспекту с неимоверной скоростью. Внезапно перед ними возникла «зебра», по которой плелась старушенция, волочившая за собой вместительную коляску на колесиках.

– О, наша Ведьма! – загоготала с заднего сиденья Оксана.

И в самом деле, пожилой женщиной, пересекавшей улицу по пешеходному переходу, была старушка, имени-отчества которой в городе никто не знал, в Заволжске ее называли исключительно Ведьмой. Она в любую погоду, зимой и летом, одевалась во все черное, всегда ходила, по парку или по рынку, волоча за собой скрипучую коляску и что-то бормоча под нос. По слухам, она была настоящей ведьмой, общалась с потусторонним миром и умела насылать проклятия. Пожилые жители Заволжска уверяли, что Ведьма ходила с коляской и в черном платке уже в те времена, когда они сами были детьми – еще до войны. Иногда Ведьма вдруг куда-то пропадала, но потом снова возникала на улицах. Говорили, что сидела в тюрьме – за убийство!

– На охоту вышла! – заявила Оксана. – Интересно, а что у нее в коляске? И чего это старая хрычовка в три часа ночи шастает по городу? Она явно не с рынка идет, наверняка с ведьминога шабаша! Сегодня же самая короткая ночь в году и к тому же полнолуние! Слушайте, говорят, что в коляске она возит какие-то волшебные коренья и травы. А кто-то утверждает, будто у нее там человеческие конечности лежат.

Бабка приходит домой и варит из них холодец!

— А вот мы сейчас проверим... — хмыкнул Никита и нажал на газ.

Марина вскрикнула, так как Никита и не подумал останавливаться перед пешеходным переходом. А, достигнув «зебры», умудрился проскочить всего в нескольких сантиметрах от помертвевшей от ужаса женщины.

Затем Никита чуть притормозил. Марина оглянулась — и увидела, что старушка недвижимо лежит на асфальте. Ее коляска опрокинулась, оттуда выкатились овощи: баклажаны, картофелины и помидоры, а также какие-то странные корни. Девушка в страхе затряслась, предчувствуя недоброе. И в этот момент Ведьма, приподнявшись, воздела к черному небу, на котором сияла полная красноватая луна, тонкие руки и принялась выкрикивать тонким, срывающимся голосом проклятия.

Никита дал задний ход, и кабриолет медленно подплыл к старушенции. Та и впрямь походила на сказочную ведьму — сгорбленная, с длинным крючковатым носом, увенчанная бородавкой, с заостренным подбородком, на котором торчали седые волосы, и с черным платком на голове. Женщина тотчас замолчала.

— Вы что-то сказали? — осведомился Никита со смешком. — Ну что же вы прервали свое бурное выступление, бабуля? Чего вы нам только что пожелали? Чтобы мы в кювет съехали? Или на всей скорости вылетели на середину Волги?

А может, чтобы врезались в автозаправку и заживо сгорели?

Марина отметила, что бабка дрожит, сжимая в руках раздавленные помидоры.

— Извините, мы не хотели... — произнесла девушка, вдруг почувствовав себя чрезвычайно мерзко. — С вами все в порядке? Вам помочь с вашей поклажей?

Ее прервал залиvistый, серебристый смех Оксаны. Та, хоча, тыкала пальцем в старуху и вещала:

— Да, Мариночка, иди и помоги бабушке! Собери-ка для нее помидоры, вернее, то, что от них осталось... Вот будет картинка — ты в своем шикарном платье ползаешь на карачках по грязному асфальту и подбираешь раздавленные помидоры для старой ведьмы!

Пожилая женщина, которая, казалось, уже пришла в себя, покачала по-змеиному головой и произнесла:

— Это не я, а ты ведьма, внучка! Чую: ничего хорошего вас сегодня не ждет! Сегодня, в самую короткую ночь года...

От ее слов Марине сделалось не по себе. И желание кататься в шикарном кабриолете по ночному Заволжску тотчас испарилось. Что-то зловещее было во всем облике старомодно одетой старушки в черном платке на голове и с раздавленными помидорами в руках. Красный сок из помидора мерно капал на асфальт, удивительно походя при этом на кровь...

Девушка заметила, что и Никите слова женщины пришлись не по душе. Нахмурившись, молодой человек сухо заметил:

– Вы понимаете, с кем разговариваете? И что с вами может сейчас случиться?

Старушка усмехнулась. Марина могла поклясться, что в мягком свете полной луны стали видны длинные зубы этой странной особы... Нет, не зубы, а настоящие клыки, причем не человеческие, а волчьи!

– Ты ведь Катьки сын? – проскрипела Ведьма. – Так и есть, нашей императрицы Катьки.

Мать Никиты, госпожу мэра, за глаза звали «императрицей Екатериной». Но откуда Ведьма могла знать, кто находится перед ней?

А Ведьма вдруг повела своим длинным носом, с шумом втянула воздух и прошипела:

– Твоей мамаше, Никитка, повезло... Ой, как повезло... Но он ведь не забыл о том, что она и ее дружки тогда сделали! Не забыл!

Старуха подняла к полной луне свои тонкие скрюченные пальцы, и сидящие в кабриолете увидели, что по ним струятся потоки крови. Марина и Оксана приглушенно вскрикнули. И только мгновением позднее девушки поняли, что это вовсе не кровь, а томатный сок: в ладонях Ведьма сжимала раздавленные помидоры.

– Кто – он? – произнес со злостью Никита. – Если вы имеете в виду моего папашу, то уверяю вас – с ним все в порядке. И не суйте свой длинный нос в чужие дела! Вот, возьмите в качестве компенсации морального и физического ущерба...

Молодой человек протягивал Ведьме несколько пятисоток. Но старуха и не собиралась брать купюры. Неприятно расхохотавшись, та заявила:

– Вижу, Никитка, ты ничего не знаешь. Еще бы, ведь и никто не знает! Кроме тех, кто виноват в том, что произошло. Но вины твоей мамыши в том нет, она сделала благое дело. Однако он не успокоился! И после смерти не успокоился!

Никита швырнул деньги на асфальт, небрежно обронив:

– Ну, подберите же бумажки, а то сейчас их ветром унесет! Это же больше, чем ваша месячная пенсия! Что, мало? Так возьмите еще! Мне не жалко!

Он кинул под ноги Ведьме еще несколько пятисотенных и тысячных купюр. Однако старушенция и не подумала наклоняться, чтобы собрать их. Со стороны Волги налетел ветер, подхватил банкноты, и те, кружась в зловещем, завораживающем танце, исчезли в темноте.

– Думаешь, сумеешь купить судьбу? – проскрипела Ведьма. – Ну да, ты звездный мальчик, все у тебя имеется... Все, да не все! Потому что чую – еще до рассвета свершится нечто ужасное! Да, да, воистину ужасное! Он здесь, он снова здесь!

– Да кто – он? – воскликнул молчавший до сих пор Тимофей. – Что вы вообще имеете в виду?

Ведьма нагнулась, подхватила коляску и заковыляла к тротуару. Коляска, громыхая, волочилась за ней.

– Старая идиотка! Пугало огородное! Сумасшедшая гадина! – тявкнула Оксана вслед старухе. – Ребята, не видите, что

ли, эта каракатица давно спятила? У нее наверняка маразм или что-то в таком роде! Ей давно уж надо быть на кладбище!

Женщина внезапно обернулась. Оксана вздрогнула – ей показалось, что глаза старухи вспыхнули во тьме зеленым, как у кошки, а выбившиеся из-под черного платка пряди зашевелились, будто на голове у нее были не волосы, а змеи или черви.

– Тебя же Оксаной зовут? – прошамкала Ведьма.

Девушка, ойкнув, внезапно осипшим голосом поинтересовалась:

– А откуда вы имя мое знаете?

Но старушенция на вопрос не ответила. Хихикнув, Ведьма заявила:

– Хоть и стара я, но на кладбище пока не собираюсь. А вот тебе, голуба, придется там лежать, причем ой как скоро! Не пройдет и трех часов, как он тебя к себе заберет!

Хлопнула дверца – это Тимофей выпрыгнул из автомобиля, явно желая направиться к старухе. Та была уже на тротуаре.

– Эй, что за глупости вы девушке говорите? – вскрикнул он зло. – Зачем ее пугаете? Для чего всяческий бред рассказываете?

Ведьма вперила свой взгляд в молодого человека и квакнула:

– А вот тебе, Тима, подфартит. Во всяком случае, сего-

дня. Потому что нынешняя ночь — ночь духов и мертвецов! Именно в эту ночь, самую короткую в году, им дозволено выбираться из ада в наш мир и устраивать безобразия. Конечно, не все, а лишь самые страшные грешники...

— Проваливай, Ведьма! — прервал ее гневно Никита. — Я тебе столько денег дал, а ты их даже поднять не соизволила! Но что с тебя взять, ты же давно спятила! Катись в свою нору и подыхай там!

Старуха оскалилась, и Марина вдруг поняла, что во рту у нее вообще нет ни одного зуба. Но как же так? Еще минуту назад она была готова поклясться, что видела длиннющие белые клыки! Или это была всего лишь игра воображения, причуда лунного света?

— И он тоже здесь! — провозгласила Ведьма. — У меня-то нюх отличный... Да, чую его. Чую, что зло снова взяло в свою власть наш Заволжск. И пришел он по твою душу, Никитка! Да, с тебя начнет, как пить дать. И с этой крашеной мымры, — бабка ткнула крючковатым пальцем в Оксану.

Та, донельзя возмущенная тем, что какая-то старая хрычовка посмела назвать ее, первую красавицу школы, крашеной мымрой, открыла рот, чтобы дать старой нахалке словесный отпор, но вдруг вскрикнула. На ее серебристом платье появился кровавый развод, затем еще один!

Это Ведьма начала швырять в кабриолет раздавленные помидоры. Никита, матерясь и грозясь зарыть старуху живо, бросился к ней. За ним последовал и Тимофей, но Ма-

рина успела схватить его за рукав:

– Неужели ты будешь драться с дряхлой женщиной?

Оксана, пытаясь очистить со своего платья красные пятна, стенала и охала, призывая на Ведьму все кары небесные. Никита ринулся к старухе – и вдруг прямо на ровном месте поскользнулся и грохнулся на асфальт.

– Чертовы помидоры! – выругался он в сердцах, поднимаясь и отряхиваясь. Его элегантный светлый шелковый костюм был измазан томатным соком.

– Никита, прошу тебя, оставь ее в покое! – крикнула Марина, которой давно было не по себе.

Странно, но за все время мимо них не проехало ни единого автомобиля. Хотя, впрочем, неудивительно: часы показывали семь минут четвертого утра воскресенья.

Никита послушался Марины, вернулся к кабриолету, плюхнулся на сиденье и мрачно заявил:

– Скажу матери, чтобы позаботилась о старой идиотке. Ее надо сдать в сумасшедший дом! Потому что она просто на людей нападает, опасна для окружающих. Наверняка у нее Альцгеймер или что-то в этом роде!

Несмотря на то что слышать его бурчание старуха, находившаяся на порядочном расстоянии, на тротуаре, никак не могла, до молодых людей донесся ее скрипучий голос:

– Никитка, судьба вас выбрала! Тебя и крашеную мымру! Поэтому и пометила вас кровью! Ночь не закончится, как он вас заберет к себе. Он сам или чадушко его заберет, чую, что

заберет!

Оксана простонала:

– Господи, мое же платье – уникальный экземпляр! Три с лишним тысячи баксов! И придется выбрасывать, потому что какая-то старая ведьма швырнула в меня помидором... С ума сойти!

– Заберет! Заберет! Заберет! – бесновалась на тротуаре Ведьма. – На вас метки смерти, Никитка и Оксаночка! Да, да, метки смерти, запомните! Солнце не успеет взойти, а вы уже сдохнете! Наслаждайтесь своей последней ночью, потому что до рассвета вы не доживете! Он уже точит свой крюк!

Никита, вне себя от гнева, распахнул дверцу, явно желая снова кинуться к старухе и надавать той тумачков, но в этот момент раздалось утробное гудение – появилась вереница из нескольких грузовиков, двигавшихся им навстречу. На несколько мгновений громоздкие машины заслонили от молодых людей старуху, а когда проехали, ребята увидели – никакой старухи на тротуаре нет.

Никита покрутил головой и присвистнул:

– Куда Ведьма-то делась?

– На метле улетела, – хихикнула нервно Оксана. – Точнее, на своей коляске укатила.

Тимофей же указал на темные кусты, нескончаемой стеной тянувшиеся вдоль тротуара:

– Наверняка туда шмыгнула, когда грузовики проезжали.

Никита рванулся было вновь, но Марина остановила его:

– Да забудь ты о бабке! Думаешь, это нормально – выяснять отношения с сумасшедшей старухой? Ты что, бить ее собрался?

– Хм, такую идиотку неплохо бы и проучить! – заметила злобно Оксана. – Она мне платье испортила! И смотрите – на капоте, на лобовом стекле тоже ошметки помидоров. Вот ведь стерва, все авто запоганила!

– Сами виноваты, – бросил отрывисто Тимофей. – Нечего было ее на «зебре» пугать. Надо было остановиться и пропустить старуху, тогда бы ничего и не было! Ты же чуть ее не переехал!

– Еще чего! – сварливо откликнулся Никита, все же выйдя из машины и счищая помидорные ошметки с капота и лобового стекла. – Ты что, Тим, всерьез считаешь, что я в три часа ночи должен был тормозить на «зебре» ради какой-то умалишенной?

– Никита, не забывай, что сидеть за рулем ты пока вообще не имеешь права, – напомнила Марина. – А что, если старуха пожалуется?

Никита, усевшись на сиденье, отмахнулся:

– Кому она пожалуется? Ментам? А доказательства есть? А свидетели имеются? Да и не дадут менты ее заявлению хода. Я, как-никак, сын мэра!

И кабриолет, взыв, рванул с места. Несмотря на то что погода была великолепная, несмотря на то что шоссе тянулось вдоль Волги, несмотря на то что это была последняя

ночь беззаботного отрочества, настроение молодых людей было начисто испорчено. Некоторое время все напряженно молчали, а потом подала голос Оксана:

– Как вы думаете, что имела в виду чокнутая бабка, когда сказала... когда сказала, что мы помечены смертью и не доживем до рассвета?

– Забудь о ней, малышка! – произнес Тимофей и прижал к себе Оксану. Но та, оттолкнув от себя молодого человека, плаксиво продолжила:

– И кого Ведьма имела в виду, когда заявила, что он пришел, чтобы забрать нас нынче ночью? И что он... что он уже точит свой крюк?

Снова надолго воцарилось тяжелое молчание, которое нарушила опять же Оксана, завершив мысль, которую начала:

– Бабка ведь имела в виду его, дядю Крюка? Скажите мне, что это так!

Тимофей стал пытаться успокоить разволновавшуюся Оксану. Никита, одной рукой управляя машиной, другой вставил себе в рот сигарету, а затем полез искать под сиденьем зажигалку.

– Да, его, дядю Крюка! – заявил он, наконец найдя зажигалку и щелкая ею. В отсвете пламени Марина заметила испуг на лице своего бойфренда. – Точнее, Романа Андреевича Онойко, гордость Заволжска и окрестностей, нашего местного Джека Потрошителя.

– Не говори так! – дернув плечами, заметила Марина. –

Звучит очень цинично по отношению к жертвам и их родственникам. Он ведь столько людей убил! Больше двух десятков!

— Онойко предъявили обвинение в убийстве двадцати семи человек, — напомнил с заднего сиденья Тима. — Однако все были уверены — на его совести гораздо больше убийств. Не исключено, что около сорока, а то и все пятьдесят! Наш дядя Крюк до того, как переехал к Заволжск, жил на Украине, а потом на Урале. И вроде бы и там, и там были зарегистрированы десятки нераскрытых серийных убийств, в которых виновен именно он. Кое-кто называет его самым жестоким маньяком Советского Союза и ставит на первое место, впереди другого исчадия ада, Чикатило.

Автомобиль вильнул, все охнуло, а Никита, выронив сигарету, воскликнул:

— Черт, какая-то тварь едва под колеса не попала! То ли кошка, то ли собака, то ли...

Он вставил в рот новую сигарету, чикнул зажигалкой и загробным голосом добавил:

— Хотя я знаю, что это было — душа Романа Андреевича Онойко, то есть дяди Крюка. Он вернулся с того света, чтобы снова приняться за свое кровавое ремесло. Ой, вот он, дядя Крюк, стоит на тротуаре! Добрый вечер, Роман Андреевич!

Все инстинктивно повернули головы, желая узреть, кто же находится на тротуаре. И Марина могла поклясться — там действительно кто-то стоял! Хотя нет, наверняка она приня-

ла за человека дерево или фонарный столб.

– Ой, мне так страшно! – промурлыкала Оксана, явно флиртуя с Никитой. – Ты ведь умеешь рассказывать такие классные страшные истории, Никитка! А Онойко... я хотела сказать, дядя Крюк... Это ведь правда, то, что в сегодняшней газете было написано? Ну, что сегодня – ровно двадцать пять лет со дня его смерти...

– Не в сегодняшней, а уже во вчерашней, – поправил ее Тимофей. – Статейка дрянная, рассчитанная на идиотов. Впрочем, в газетенке «Наш город» только такие и печатаются. Лариса Бормотухина на подобном специализируется.

– Газета нормальная, ты брось, – возразил Никита. – Кстати, мою матушку здорово поддерживает. И тетя Лора – классная баба! А что касается дяди Крюка... Так и есть, он сдох ровно двадцать пять лет назад, в ночь на 22 июня 1985 года.

– Неужели и правда имел место несчастный случай? – Оксана буквально тряслась от любопытства. – А то говорят...

– Конечно же, никакого несчастного случая не было! – заявил безапелляционно Никита.

Марина отметила, что они уже покинули центр города. Набережная закончилась, кабриолет летел по проспекту Большевиков в направлении Краснознаменского района.

– Мне родители рассказывали о том, что в городе творилось, – заметил Тимофей. – Сначала все эти убийства, причем убивал Онойко в течение трех лет, кажется. Почти каж-

дый месяц – новая жертва! Тогда в городе все дрожали, многие целыми семьями просто-напросто бежали прочь.

Никита, который ужасно не любил, когда кто-то в компании тянул одеяло на себя, прервал его:

– Ну, это каждому известно, Тимыч! Когда в городе суд должен был состояться, никто не сомневался, что Онойко дадут «вышку», а его взяли и запихнули в психушку для проведения экспертизы. И тут началось – жители требовали его казни. Ситуация вышла из-под контроля, разъяренные родственники жертв и прочие жители взяли штурмом психбольницу, где его держали. Причем факт народных волнений замалчивался до последнего – боялись, что повторится ситуация, как в начале шестидесятых в Новочеркасске. Но применять силу власти не решились. Все же времена были уже новые, горбачевские, либеральные. И правильно – как дядя Крюк заживо сгорел, так потасовки сразу и прекратились.

– Только он не в больнице сгорел, – поправил друга Тимофей, – а на берегу Волги, где у него бункер имелся, около старого кладбища. Там он оборудовал свою лабораторию ужаса. Онойко облили бензином и подожгли. А он сам, пылая, как факел, с обрыва в Волгу сиганул.

– Только говорят, что он тогда не умер, а спасся, – шепнула Оксана.

– Ну, да, спасся! – прогрохотал Никита. – Выплыл на противоположный берег, убежал в лес и до сих пор там и живет! Уууу!

Парни засмеялись, визгливо захохотала и Оксана, но Марине было не до смеха.

– А если честно, то Онойко не мог выжить. Просто не мог! Еще до того, как он в воду прыгнул, он уже был фактически мертв, – заявил Тимофей. – У нас есть сосед, а у него старший брат... В общем, тот участвовал в сожжении Онойко, своими глазами видел, как маньяка из четырех канистр бензином облили, а потом подожгли. Волосы на нем горели и плавилась, кожа лопалась, и он волчком на месте крутился, завывая и вопя.

– Но ведь тело-то не нашли, – промолвила наконец и Марина.

– Так там, на излуине, течение знаешь какое сильное! – напомнил Никита. – Было бы, наоборот, странно, если б нашли! Тело снесло вниз по течению. Может, вообще в Каспий.

– И выжить он никак не мог, – авторитетно произнес Тимофей. – У него были увечья и ожоги, несовместимые с жизнью. К тому же там с обрыва до воды метров тридцать, не меньше! Так что ничего от Онойко не осталось. А то, что осталось, пошло на прокорм рыбам и ракам.

– Брр... Никогда больше не буду есть раков... – передернулась Оксана. – Они же мертвецами питаются! Как подумаю, что один из них, возможно, и дядей Крюком закусил...

– Те раки давно уже подохли! Или еще двадцать пять лет назад в чью-то кастрюлю приземлились! – засмеялся Никита. – А знаете, что я предлагаю? Раз уж сегодня двадцать пя-

тая годовщина со дня смерти Онойко, точнее, с той кошмарной ночи, то надо это дело отметить – съездить на место его кончины. Венок возложить, так сказать. И смачно плюнуть.

Марина тут же заявила, что идея совершенно неуместная и ей хочется обратно в центр города. Зато Оксана, чувствуя, что Никита разошелся не на шутку, рьяно поддержала затею. Тимофей колебался. Но еще до того, как было принято окончательное решение, Никита на пустой трассе развернул кабриолет и помчался в противоположном направлении.

Скоро на горе показалась психиатрическая больница, та самая, где четверть века назад держали взаперти маньяка «дядю Крюка». Некоторые из окон здания лучились призрачным сиреневым светом.

– То место недалеко отсюда, – сообщил Никита. – Тимыч, помнишь, в детстве мы часто сюда ходили? А ведь классное местечко – тихое, спокойное...

– И с покойниками! – добавил со смешком Тимофей. – Старое кладбище – такой класс! А помнишь, мы как-то решили проверить, как долго кости в земле сохраняются? И начали одну старую могилу разрывать...

– Ага, – с хохотом поддакнул Никита. – Дело уже под вечер было, мы и так на взводе были, а потом что-то в кустах зашуршало... И мы бросились оттуда наутек!

– А когда на следующее утро пришли, – продолжил Тима, – видим: могила, которую мы пытались разрыть, но так и не успели, кем-то раскопана. Подходим к краю – и слышим

противное чавканье. Так, будто кто-то кости грызет. Хотя и день был, и солнце сияло, но все равно нам жутко стало. Потому что на заброшенном кладбище никого, кроме нас, не было.

— Кроме нас и мертвяков, — добавил утробным тоном Никита. — Ну и упырей, само собой.

— Мальчики, мне так страшно, что я сейчас описаюсь! — ойкнула Оксана.

— Вот подходим мы к краю могилы... — вещал Тима. — Точнее, подползаем по-пластунски. Осторожно заглядываем и видим...

Он сделал кошмарную паузу. А Никита, подвывая, подхватил:

— И видим — трухлявый гроб, в нем — скелет, обтянутый пергаментной кожей, а около гроба кто-то сидит на корточках. Кто-то крошечный, вряд ли больше пятилетнего ребенка. Лица не видно, так как к нам спиной сидит. Видно только, что голова заостренная. И уши, как у вампира. И крылья из лопаток растут, как у летучей мыши...

— Мальчики, вы ведь врете, а? — дрожащим голосом проронила Оксана. — Скажите, что все это неправда! Ведь врете, да?

— И лопоухое и крылатое существо, склонившись над гробом, что-то жует, — не останавливался Никита. — Тут камешки у нас из-под ног вниз посыпались, и то нечто обернулось. Причем не как человек обернулось, а как сова — голова на

все сто восемьдесят градусов назад поехала....

– И лицо у него было не человека, а морда упыря, – встал Тимофей. – Глаза – огромные, желтые, без зрачков! Носа вообще нет, а рот, как у акулы! И во рту торчит берцовая кость того покойника, что в гробу лежит! И упырь ее грызет!

Он сделал паузу, и стало слышно, как клацают зубы Оксаны. Девушка сипло спросила:

– И что дальше? Вы упыря убили? Или убежали?

– От них убежишь... – ответил, вздыхая, Никита. – Он же хоть и крошечный, но зато летать умеет! Упыри, они на заброшенных кладбищах обитают, в склепах и разверзшихся могилах. Мы с Тимычем, конечно, дали деру, но не успели и десяти метров пробежать, как та тварь нас настигла! У него лапы, как у кондора, – жилистые, с когтями. А тут еще его собратья отовсюду полезли... Штук двадцать, не меньше!

– И как же... как же вы от них ото всех отбились? Лопатой? Или молитва помогла? – спросила в ужасе Оксана.

– Ни то, ни другое, – ответил спокойно Никита. – Кто тебе сказал, что мы вообще спаслись? Напали на нас тогда упыри и слопали подчистую. Вот теперь и мы сами такими стали. Ууууу!

Молодой человек, повернувшись к Оксане, скорчил страшную рожу и завыл. К нему присоединился и Тимофей. Оксана, вытаращив глаза, пару секунд смотрела на них, а потом, громко переведя дух, заявила:

– Вот ведь идиоты! Вы, оказывается, все выдумали! А я

вам поверила!

– Ничего не выдумали! – произнес, прижимаясь к ней, Тима. – Мы упыри, и сейчас я тобой поужинаю, крошка!

В ту же секунду автомобиль сильно тряхнуло – он на что-то налетел. Никита затормозил и, выпрыгнув из салона, стал обеспокоенно осматривать свое сокровище на четырех колесах. Остальные присоединились к нему.

– Все в порядке? – спросила в страхе Марина.

– Что же это было? – удивилась Оксана. – Какая-нибудь железяка или бревно?

Никита, вернувшийся на несколько метров назад, склонился над чем-то темным, лежавшим на дороге.

– Очень странно! – произнес он вдруг.

Подошедший к нему Тима склонился над тем, что лежало на дороге, а потом вдруг резво отскочил в сторону.

– Что вы от нас скрываете, мальчики? – произнесла томно Оксана и направилась к молодым людям. За ней последовала и Марина.

Тима, встав спиной к тому, что покоилось на дороге, и загородив его, взял Оксану под локоток и подтолкнул в сторону:

– Ничего интересного! Но тебе лучше не видеть. И вообще, мы уже почти приехали! Давайте прогуляемся!

– Нет, я хочу видеть, что там такое! – капризно настаивала на своем Оксана. А затем, вырвавшись из рук Тимы, подошла к странному предмету и замерла около него.

К подруге присоединилась и Марина. Посмотрев внимательнее, девушка ахнула:

– Это же какое-то животное... Никита, ты сбил собаку!

– Никого я не сбивал! – отрезал сын мэра Заволжска. – Ты что, не видишь, псина уже была мертвая!

И действительно: животное не шевелилось. Приглядевшись, девушки заметили, что у собаки чего-то не хватает. Так и есть, у нее не было головы! Кто-то попросту отрезал ее и, по всей видимости, унес с собой!

Оксана вскрикнула дурным голосом и, развернувшись, повисла на шее у Никиты. Марине это крайне не понравилось, поэтому она взглянула на Тимофея. Подойдя к своей подруге, тот оторвал Оксану от груди Никиты и, поглаживая девушку по волосам, произнес:

– Все в порядке! Успокойся, Оксаночка, я же с тобой. Наверняка произошел идиотский несчастный случай!

– Не думаю, что тут несчастный случай, – возразил Никита, рассматривая собачье тельце. – На асфальте нет ни капли крови! Значит, животное умертвили где-то в другом месте, а потом просто выбросили на дорогу.

– Ты думаешь, кто-то сделал это намеренно? – произнесла дрожащим голосом Марина. – Но зачем кому-то такое?

– Понятия не имею! – ответил бодрым голосом Никита и, подхватив собаку за лохматый хвост, оттащил с дороги на обочину. – Кстати, насколько я могу судить, башку несчастной псине отрезали весьма профессионально. Вжик – и нет

головы! Прямо как дядя Крюк!

– Мне страшно! – заголосила Оксана, и на сей раз она вообще не прикидывалась, не разыгрывала фарс. Девушка прижалась к Тимофею, и молодой человек ощутил, что ее бьет крупная дрожь.

– Никит, завязывай, а... – произнес он, повернув голову в сторону приятеля. – И вообще, может, нам вернуться? В клубе ведь тусняк в самом разгаре!

– Испугался? – произнес Никита, пиная ногой собачий труп. – Скажи, Тима, честно: сдрейфил? Ладно девчонки, что с них взять – бабы... А ты тоже дяди Крюка боишься? – И, не дожидаясь ответа, парень договорил нараспев: – Раз, два, три, четыре, пять – вышел монстр нас убивать! Дядя Крюк, дядя Крюк, наколи мой глаз на сук, в Волге череп утопи, руки-ноги оторви...

Эта страшилка была известна в Заволжске каждому ребенку и являлась неотъемлемой частью городского фольклора.

– Никита, прекрати! – попросила его Марина, но тот и не думал менять тему.

– Конечно, здесь был дядя Крюк! – выпалил Никита. – А кто ж еще? Ведь тут его владения! Ну что, вы будете дожидаться, пока он вас заберет, или поедете со мной?!

Молодые люди вернулись к кабриолету и заняли свои места. Однако настроение у всех было подавленным. У всех, за исключением Никиты, который, казалось, находился в от-

личном расположении духа.

Насвистывая песенку-страшилку про дядю Крюка, он завел двигатель, и автомобиль тронулся с места. Оксана, которой, видимо, надоело изображать из себя перепуганную до смерти особу, заинтересованно спросила:

– И все же кто мог это сделать? Я имею в виду – отрезать голову несчастной собачке? И зачем?

– Ну, выяснить, почему кто-то убивает, вряд ли представляется возможным! – ответил Никита. – Зачем дядя Крюк убивал людей и отрезал им головы? Свою тайну он унес с собой в могилу. Вернее, в Волгу, которая и стала его последним пристанищем.

– А правда, что головы его жертв так и не нашли? – продолжила Оксана, и Марина по ее тону заметила, что подруга вполне оправилась от шока, если шок вообще был.

– Что верно, то верно! – заявил Тимофей. – Он отсекал всем жертвам головы, а на их теле оставлял раны, которые наносил при помощи стального крюка, который таскал с собой. Поэтому Онойко и получил прозвище дядя Крюк. Причем количество ранений соответствовало порядковому номеру жертвы. У первой было всего лишь одно ранение, у второй, соответственно, уже два, а у последней найденной – двадцать шесть. Потому что тело самой последней, двадцать седьмой жертвы дядя Крюк куда-то спрятал.

– При обыске в его гараже нашли пятилитровую банку, заполненную формальдегидом, а в ней плавали глаза его

жертв! – пророкотал Никита. – Он выковыривал их из отрезанных голов и сохранил, так сказать, в качестве сувенира. А вот куда он дел головы, никто, кроме него самого, не знает. Говорили, что он головы вываривал, мясо пожирал, а черепа хранил в тайнике. Ну, вот мы и на месте!

Молодой человек затормозил, и кабриолет плавно остановился. Марина увидела, что они съехали с шоссе, плавно уходявшего вдоль берега Волги куда-то вдаль, и сейчас находились на крутом берегу, выдававшемся, подобно балкону, над величественной, мерно текшей в трех десятках метрах под ними рекой.

Друзья вышли из автомобиля и осторожно подошли к заросшему бурьяном обрыву. Марина не рискнула заглядывать вниз, зато Никита, не удержавшись, подошел к самому краю.

– Ого! Ночью все выглядит совершенно иначе! – прищелкнул он. – Тимыч, мы же с тобой столько раз тут были, но всегда днем! Вот, именно здесь и сожгли дядю Крюка...

Он указал на пустырь, раскинувшийся за ними.

– Первые несколько лет тут даже имелась огромная подпалина, – пояснил Тимофей, прижимая к себе Оксану. – Все же дядю Крюка облили бензином из четырех канистр! Но потом, конечно же, природа взяла свое, и подпалина заросла травой. Хотя помнишь, Никита, мы когда-то пытались ее найти – и нашли. Потому что если оторвать дерн, то можно еще наткнуться на старую прокопченную землю – следы казни дядя Крюка.

– А тех, кто принимал участие в его казни, не наказали? – спросила тихим голосом Марина. В отличие от своих приятелей, она была родом не из Заволжска, переехала в город вместе с родителями всего несколько лет назад, поэтому местный фольклор знала не очень хорошо.

– Власти были даже рады, что все так закончилось! – заявил Никита. – Потому что смерть Онойко стала идеальным разрешением сложившейся ситуации: государству не пришлось вести громкий процесс, а маньяк получил по заслугам. Да и взрывоопасная ситуация после кончины дядя Крюка нормализовалась в считанные дни. Никто из тех горожан, что принимали участие в казни серийного убийцы, не понес наказания, наоборот – они стали героями. Власти бы ни за что не посмели арестовать хотя бы одного из них, иначе наверняка бы начались новые потасовки, чего никто, естественно, не желал.

Он смолк, уставившись на расположенное в непосредственной близости от обрыва заброшенное кладбище. В серебристом свете луны были видны покосившиеся кресты, надгробные памятники и склепы. Старое кладбище было закрыто еще в конце пятидесятых, после того как в нескольких километрах к югу появилось новое. Захоронения, многие из которых относились к концу девятнадцатого или началу двадцатого века, оказались никому не нужны, сюда навевались лишь местные мальчишки в поисках острых ощущений. Впрочем, после того как стало известно, что маньяк Оной-

ко именно там устроил себе гнездо, где хранил инструментарий, а также части трупов своих жертв, родители строго-на-строго запретили чадам посещать кладбище. Но отдельные сорванцы, такие, как Никита и Тимофей, пренебрегали запретом.

– Дядя Крюк! Ты нас слышишь? – произнес зловещим голосом Никита. – Это ведь твоя ночь! Здесь ты, объятый пламенем, сиганул с обрыва в Волгу ровно двадцать пять лет назад, и некоторые верят, что ты когда-нибудь снова вернешься в наш грешный мир! Если так, и ты покинул ад, то дай нам знак! Дядя Крюк, скажи, ты ведь вернулся в Заволжск?

И вдруг откуда-то со стороны раздался утробный, мрачный рев и послышались жуткие слова:

– Я вернулся! Вернулся из ада! Чтобы убить! И сейчас я начну с вас!

Девушки отчаянно завизжали, а Никита захохотал, как сумасшедший. Рев создал Тима – именно он и напугал всех.

– Никогда больше не делай так! – колотя кулачками по его груди, закричала в сердцах Оксана. – Господи, я так перепугалась! Подумала, что...

Она смолкла, а Никита, закулив сигарету, спросил:

– Подумала, что дядя Крюк действительно вернулся в Заволжск с того света в годовщину своей гибели двадцать пять лет спустя? Кто знает, кто знает... Вспомни, что орала нам вслед Ведьма: сегодня особая ночь. Может, дядя Крюк и в самом деле наблюдает сейчас за нами, намереваясь нас убить

при помощи своего легендарного стального крюка...

Внезапно откуда-то со стороны послышался треск, как будто кто-то наступил на сухую ветку. На сей раз проняло даже и Никиту с Тимофеем. На несколько бесконечно долгих мгновений воцарилась тишина.

– Что это было? – спросила в ужасе Оксана. – Неужели здесь кто-то есть?

– Конечно, есть! – усмехнулся, попыхивая сигаретой, Никита. – Я же сказал тебе – дядя Крюк. А теперь айда на кладбище...

– Мы так не договаривались! – произнесла упрямо Марина. – Я хочу обратно!

Никита, который ужасно не любил, когда ему перечили, поджал губы:

– Ну, тогда можешь обратно в город на своих двоих топтать. Потому что лично я хочу сейчас прогуляться по старому кладбищу. Там же до сих пор остались руины часовни, в которой дядя Крюк занимался своим кровавым делом! Кто со мной?

Оксана, только что заявлявшая, что ей ужасно страшно, не преминула воспользоваться возможностью и, бросившись к Никите, заявила:

– Ой, как интересно! Я обязательно с тобой пойду!

– А вы можете оставаться здесь, – бросил Никита и, приобняв Оксану, направился к покосившейся чугунной ограде старого кладбища.

Марина не желала уступать Никиту нахалке Оксане, которая все время только и делала, что клеилась к нему. Да и Тимофей, по всей видимости, не был готов позволить своей подруге гулять по кладбищу вместе с Никитой.

– Мы тоже идем! – крикнул Тима и, кивнув Марине, вполголоса произнес: – Ты же его знаешь: ему нельзя перечить, иначе он окончательно войдет в раж. Так же быстро, как загорелся идеей прогулки по кладбищу, Никита и перебеситсся. Уверяю тебя, через десять минут мы поедем обратно!

Марине была известна манера поведения Никиты – если ему кто-то возражал, это только больше раззадоривало парня, и он продолжал гнуть свою линию. Тимофей прав – надо сейчас подыграть ему, сделать вид, что все в полном порядке, а еще лучше – изобразить скуку, тогда Никита тотчас придет к мысли, что прогулка по старому кладбищу глубокой ночью – полнейшая ерунда, и захочет вернуться в город, в клуб.

Ограда по большей части обвалилась, там и сям в заборе зияли дыры, поэтому проникнуть на территорию кладбища оказалось проще простого. В лунном свете выглядело оно зловеще, но в то же время необычайно романтично.

Никита, видимо, назло Марине и Тимофею, открыто флиртовал с Оксаной, которая, повиснув на его руке, оглашала теплый июньский воздух визгливым хохотом.

– Ага, тоже решились? – произнес Никита, услышав шаги друзей, но даже не оборачиваясь. – А то мы подумали, что вы мертвяков испугались.

– И дядю Крюка, – хихикнула Оксана и затынула во все горло страшилку про дядю Крюка.

Марина ощутила, как Тима взял ее под руку, услышала тихие слова:

– Все в порядке, я здесь. Не бойся, очень скоро это закончится.

Странно, но именно присутствие и непосредственная близость Тимофея успокаивали Марину. Как же он отличался от Никиты! Причем явно в положительную сторону!

Со всех сторон молодых людей окружали кресты и надгробные памятники. Откуда-то спереди донесся хохот: Оксана, задев обо что-то ногой, упала и увлекла за собой на землю Никиту. Марине очень не нравилось то, как развязно ведет себя с ее бойфрендом лучшая подруга, но поделаться ничего не могла. Если устроить сцену, это только подстегнет их обоих!

Наконец молодые люди оказались около устремленного в темное небо здания старой часовни. Вернее, того, что осталось от нее, – наружный остов, каменный скелет, которому было около ста тридцати лет.

– Вот оно, логово дяди Крюка! – провозгласил Никита, указывая на руины. – Разделять головы, отрезанные у жертв, он у себя в квартире, конечно же, не мог, у него ведь имелись жена и малолетний сын. Поэтому он оборудовал свою лабораторию смерти именно здесь, на старом кладбище, в часовне. Вернее, в подвале часовни. И именно туда

мы сейчас и отправимся!

– Ой, мы сейчас побываем в гостях у маньяка! – захлопала в ладоши Оксана. – Как интересно! Скажи, Никиточка, а как ты думаешь, я бы дяде Крюку понравилась?

Марина поморщилась – особым умом Оксана не отличалась. Зато брала безупречной фигурой, голубыми глазищами и кукольным личиком.

– Он бы от тебя голову потерял, – хохотнув, ответил Никита, и Марине показалось, что до нее донесся звук смачного поцелуя. – Вернее, Оксаночка, ты бы от него голову потеряла. В переносном и прямом смысле. Он бы ее тебе отрезал! А потом подцепил бы твое безжизненное тело на свой знаменитый крюк и уволок к себе в логово.

– Эй, в часовню лучше не ходить! – крикнул Тимофей. – Она же в любой момент может обрушиться!

Но Никита и Оксана, мурлыкая, уже скрылись под сводами старинного здания.

– Подожди меня здесь, – произнес Тимофей, обращаясь к Марине. – Эти идиоты рискуют жизнью! В газетах давно писали: надо что-то предпринять с часовней – или отреставрировать, или снести. Но у городских властей, то есть у мамыши Никиты, денег на это, конечно же, нет. Не хватало еще, чтобы им там на голову кирпич свалился! Подожди тут. Я их живо извлеку – и обратно к тебе...

Молодой человек направился к часовне. Марина осталась одна. Страх заполнил ее сердце. Девушка чувствовала, что

пульс у нее зашкаливает, и пыталась убедить себя: никаких причин для волнения нет. Что из того, что она находится ночью на кладбище? Хотя какая разница, днем или ночью? Она же не несмышленный ребенок, который верит в то, что по ночам из могил выползают зомби.

Но Марина боялась не оживших мертвецов и не дурацких упырей, про которых не так давно рассказывали Никита и Тима. Дядя Крюк! Откуда на дороге взялась обезглавленная собака? Но ведь маньяк Онойко уже давно мертв!

Девушка услышала, что неподалеку вновь хрустнула сухая ветка. Живо обернулась – и заметила за одной из могил темный силуэт. Недолго думая, Марина ринулась вслед за Тимофеем в часовню. Уж лучше пусть на голову упадет кирпич, чем оставаться одной на кладбище!

Она влетела под своды старинного здания. Крыши у часовни давно не было, только голые стены. Сверху, с темного бархатного неба, лила красноватый свет луна, но вдруг на нее набежали прозрачные облака.

Девушка обернулась – но нет, ее никто не преследовал. И вообще она не была уверена, что кого-то увидела на кладбище. Наверняка приняла за человеческий силуэт разросшийся куст или, возможно, надгробный памятник в виде ангела на старинной могиле. Но даже если там и был кто-то живой, то он никак не мог являться дядей Крюком. Потому что маньяк умер четверть века назад.

– Никита, ну а теперь самое время двинуться в обратный

путь! – донесся до Марины голос Тимофея, гулко разлетающийся по часовне.

Марина подошла к своим друзьям, находившимся в углу здания. Никита, сидя на корточках, рассматривал металлический люк.

– Вот именно там дядя Крюк и оборудовал свое убежище! – заявил он.

– Ты же знаешь, что вход туда закрыт, – напомнил Тимофей. – Мы еще детьми пытались туда проникнуть, но на люке всегда висел огромный замок. Да и если приподнять крышку, то видно: внизу все перегорожено решетками.

– К тому же милиция давно вывезла все улики, – сказала, подходя к Никите, Марина. Она опустилась рядом с ним. – Тима прав, самое время отправиться обратно в город...

– Вот и отправляйся с Тимой, если он тебе так дорог! – огрызнулся Никита. – Черт, что такое? Вы это видите?

Марина окаменела – из-под металлической крышки люка, снизу, из подвала часовни, пробивался свет!

– Ничего себе! – пробормотал в возбуждении Никита. – Там свет горит! И на крышке нет...

В тот же момент по часовне разнесся гулкий удар – это крышка, приподнятая Никиткой, отлетела в сторону, открывая вход в подземелье, откуда лился мертвящий желтый свет.

– Кто-то снял замки! И перепилил шарниры, на которых держалась крышка! – заметил в восхищении Никита, заглядывая в подземелье. – Черт, по всей видимости, там горят

свечи. Только кто их зажег?

И спустя мгновение сам же дал ответ:

– Дядя Крюк!

Затем он, засунув голову в отверстие, крикнул что было мочи:

– Эй, дядя Крюк, ты здесь? Что, решил после двадцати пяти лет в аду вернуться на грешную землю? Если ты там, внизу, то дай ответ! Дядя Крюк, дядя Крюк! Наколи мой глаз на сук!

Тимофей решительно подошел к приятелю, оттащил его в сторону и прикрыл крышкой вход в подземелье.

– Ты чего, совсем оборзел? – заорал Никита, кидаясь на Тимофея.

Тот, оттолкнув друга, заявил:

– Никита, надо отсюда убираться, да побыстрее! Сам посуди – ничего хорошего это означать не может! Кто может ошиваться на старом кладбище? Зачем кому-то проникать в подземелье и зажигать там свечи?

– Струханул, Тимыч? – прищурился Никита. – Ну да, струханул! Впрочем, ты всегда у нас маменькиным сыночком был.

– Если кто и есть маменькин сынок, так только ты! – взвился Тимофей.

– Что ты вякнул, урод? – сразу вспылил и Никита.

Тимофей попытался успокоить друга, но тот лишь набирал обороты. Подскочив к Тимофею, он ударил его в грудь

и проорал ему в лицо:

– Мерзавец, что ты про мою матушку сказал? Ну, повтори!

– Давай разберемся со словами позднее, – примирительно обронил Тимофей. – А сейчас пойдем обратно к автомобилю. И поедем назад в город. Потому что наша экскурсия на кладбище явно затянулась!

– Нет, я хочу знать, что ты имеешь против моей матушки! – заявил Никита и снова ударил друга в грудь. – Ну, говори, урод! Что, молчишь? Ага, ты ведь всегда молчишь... Давай, говори!

И он опять ударил Тимофея. Затем замахнулся еще раз, но получил отпор: Тима нанес ему мощный удар в солнечное сплетение. Никита, согнувшись, повалился на заваленный щебнем и битым кирпичом пол.

– Что ты сделал, изверг? – завопила Оксана, бросаясь к Никите. – Никиточка, милый мой, с тобой все в порядке, солнышко?

Воспользовавшись ситуацией, Никита привлек к себе Оксану и поцеловал ее в губы. Причем, конечно же, намеренно, желая унижить Тимофея.

Тот мрачно предупредил:

– Никитос, брось, иначе...

Никита, поднявшись с пола, насмешливо произнес:

– Иначе что? И вообще, кто ты такой, чтобы называть меня Никитосом? Так меня имеют право называть исключи-

тельно друзья! А ты, Данилов, к их числу больше не относишься!

Он снова привлек к себе Оксану, которая ничуть не сопротивлялась, а наоборот, явно приветствовала его действия, и опять смачно поцеловал. А затем, оторвавшись от ее губ, презрительно процедил:

– Чего вылупился, Данилов? Оксаночка – классная девчонка, а ты обращаешься с ней, как с помойным ведром! Впрочем, с тобой все понятно. Ты же у нас не девочками, а больше мальчиками интересуешься, Данилов. Извращенец хренов!

– Что ты сказал? – выкрикнул Тима и ринулся на своего лучшего друга, уже, впрочем, бывшего.

Молодые люди сцепились, как два диких зверя. Марина пыталась их разнять, но у нее ничего не получилось. Оксана же, с улыбкой победительницы наблюдая за тем, как Никита и Тимофей мутузят друг друга, заявила:

– Тебе ясно теперь, что Никиточке ты не пара? А я с самого начала понимала: ему не нужна такая лахудра, как ты!

– Зато, видимо, такая идиотка, как ты, нужна, – хмыкнула Марина.

И тут Оксана вцепилась ей в волосы. Марине удалось вернуться, и она закатила Оксане звонкую оплеуху. Та, ошеломленно стирая с рассеченной губы капли крови, прошептала:

– Ну, такое тебе даром не пройдет, Большакова, заруби

себе на носу! У меня папа адвокат, он тебя и твоих родичей по судам затаскает!

А затем бывшая подруга дурным голосом заверещала:

– Никиточка! Эта стерва меня убить хочет!

Молодые люди, тяжело дыша, стояли друг напротив друга. Под глазом Никиты набухал синяк, а из губы сочилась кровь. Вытерев ее тыльной стороной ладони, он подошел к Марине и грубо сказал:

– Я давно понял: ты, дрянь, глаз на урода Тимку положила. Но учти, от него ты все равно ничего не получишь. Он же у нас «голубой»!

И Никита поцеловал Оксану, которая тотчас обвила его шею руками. Тимофей, потирая кровоточащий нос, приблизился к Марине.

– Предлагаю поскорее убраться отсюда. Я направляюсь обратно в город. А ты?

– Вот-вот, чапайте обратно в город! Только не найдетесь, что я вас подброшу! – злобно крикнул Никита. – Впрочем, далеко переться все равно не придется – вам же обоим в психушку надо! Там вам уже подготовили номер для новобранцев. С клизмой, смирительной рубашкой и звериной дозой антипсихотика.

Оксана оглушительно захохотала, а Марина, обращаясь к Тимофею, спросила:

– Тебе очень больно? Дай-ка я посмотрю, что он с тобой сделал.

– Валите прочь! Игрой в доктора будете заниматься в психушке! Ну, пошли вон! – не унимался Никита. – Что за пара, блин – педик и шлюха! Прямо райская парочка!

Марина почувствовала, что на глаза навернулись слезы. Она предчувствовала, что ее отношения с Никитой скоро закончатся, однако не думала, что столь ужасным образом. И в таком страшном месте.

Тимофей только сжал ее руку, и они пошли к выходу из часовни.

Дождавшись, пока они не скроются, Никита сплюнул на пол и продолжал в том же духе:

– Ну, Данилов у меня еще попляшет! Думает, что я все так и оставлю? Но я ему устрою! И шлюхе Марине тоже!

Оксана, ликуя по поводу того, что все произошло в полном соответствии с ее тайными желаниями, просюсюкала:

– Маринка не заслуживала тебя, Никиточка, не заслуживала! Но теперь мы будем вместе, и все будет хорошо...

– Да хоть ты не лезь ко мне! – взревел Никита, отпихнул Оксану и подошел к люку, который вел в освещенное призрачным светом подземелье. – Данилов прав, конечно, – все очень подозрительно. И надо вообще-то уматывать отсюда. Потому что это мне тоже очень не нравится. Однако если мы сейчас за ними припустим, будет выглядеть, будто они победили.

Оксана приблизилась к Никите и прижалась к его спине. Тот, хмыкнув, сказал:

– Ладно, нам все равно надо время скоротать, пока неудачники отсюда не уберутся. Значит, ты хочешь быть вместе со мной, Оксаночка?

– Очень! – ответила девушка игриво. – Ты ведь намного лучше хлюпика Тимы. И ты прав, я сама подозревала, что он тайный извращенец...

– Приткнись! – велел ей Никита. – Тимыч – нормальный парень, никакой не извращенец. Я просто так сказал, чтобы его позлить. А ты из-за чего со мной хочешь быть? Потому что у меня тачка крутая? Или потому что у меня мать – мэр? Или по всем причинам сразу?

Оксана всхлипнула, прекрасно зная, что лить слезы у нее получается лучше, чем у многих голливудских актрис.

– Никиточка, я же давно люблю тебя! Неужели ты не понимаешь? – захныкала она. – А Маринка тебя ни в грош не ставит. Я тебе давно хотела сказать, но все не решалась... Она ведь давно Тимофею глазки строит. И даже, по-моему, спала с ним, хотя с тобой вместе... была...

Никита метнул на Оксану пламенный взор.

– Бреешь ты, Оксаночка, знаю я твои повадки! Бедняга Тимыч, как он тебя вообще выносить мог так долго? Я же давно понял, что ты меня пытаешься в постель затащить.

– Нет, правда! – упрямо заявила Оксана и топнула ножкой. – Кого угодно спроси! Твоя Маринка еще та штучка! А вот я тебя люблю беззаветной, чистой любовью! И готова ради тебя на все!

– Где ты такие идиотские штампы вычитала? На интернет-странице для безмозглых блондинок? – прищурился Никита. – На все, говоришь, готова? Точно на все? Ну хорошо! Если сейчас выполнишь, что тебе прикажу, то, так и быть, брошу Маринку и буду с тобой...

Оксана, глупо улыбаясь, уставилась на Никиту, а тот, указывая на вход в подzemелье, произнес:

– Спустись туда и посмотри, что там такое. И заодно на мобильник засними.

Улыбка немедленно сползла с лица Оксаны. Девушка, дрожа, уставилась на лучившееся призрачным светом подземелье и пробормотала:

– Но Никиточка, я же не могу туда спуститься... Мне очень страшно! Вот если бы ты со мной пошел...

– В том-то и фишка! – самодовольно усмехнулся Никита. – Докажи, что любишь меня и на все ради меня готова, как сама говорила. Дрейфишь? Что ж, такая подруга мне не нужна. Значит, сойдуь снова с Маринкой...

Молодой человек похлопал себя по карману брюк.

– Черт, моя мобила осталась в авто! А у тебя мобильник имеется?

Девушка безропотно вытащила из крошечной сумочки, висевшей у нее на плече, розовый, сверкающий стразами телефон.

– Молодец! Давай сюда, чего стоишь? – приказал Никита грубо. – Или думаешь, мне охота тут еще дольше торчать?

– Никиточка, а ты точно тогда со мной будешь? – пропищала Оксана. – Ты меня не обманываешь? Поклянись!

Никита приложил к сердцу руку и произнес:

– Клянусь... Гм, чем бы поклясться? Ага... Клянусь головами, которые дядя Крюк отрезал у своих жертв! И пусть он мне тоже башку отрежет, если вру! Я буду с тобой, Оксаночка, и только с тобой!

На лице Оксаны возникла глуповатая улыбка. Затем девушка, держа перед собой мобильник, принялась спускаться по покрытым мхом ступенькам в подземелье.

– Я ничего не боюсь, все это всего лишь сказки... – бормотала она себе под нос. – Ой, мамочки, что тут такое? Мокрица! Господи, да их тут тысячи! А там что? Паук! Никиточка, тут паук. Такой огромный и лохматый!

Молодой человек подошел к отверстию, заглянул в него и увидел, что Оксана стоит уже в самом низу лестницы.

– Если не будешь трогать пауков, то и они тебя не тронут! – гаркнул Никита. – Ну, живо туда, где свет горит! И снимай все на мобилу, снимай!

Оксана послала ему воздушный поцелуй и скрылась за поворотом. До молодого человека долетало ее бормотание, которое, впрочем, с каждой секундой становилось все приглушеннее.

– Вот ведь идиотка, в самом деле отправилась в подземелье! – хихикнул Никита. – На что только бабы не готовы, лишь бы я их трахнул!

Весьма довольный собой, парень отошел к стене, расстегнул ширинку и принялся опорожнять мочевого пузыря. Внезапно совсем рядом раздался звук, будто кто-то пнул ногой кирпич.

Не оборачиваясь, Никита спросил:

– Оксаночка, ты так быстро вернулась? Я же сказал, детка: если не сделаешь то, что я велел, ничего между нами по определению быть не может!

Ответа не последовало. Никита обернулся – девушки рядом не было. Посмотрел и в другую сторону – и заметил тень, метнувшуюся куда-то вбок.

– Тимыч, ты? – спросил он, застегивая ширинку и чувствуя, что во рту вдруг пересохло. – Давай, Данилов, не томи душу, вылезай! Решил отомстить, вот и вернулся, чтобы напугать нас. Как убого! Что, будешь изображать дядю Крюка? А Маринка-то где? С тобой, или ты ее одну на кладбище бросил?

В ответ снова слышался звук. Странный звук, металлический. Сначала Никита не мог сообразить, на что он похож, и только через пару мгновений понял: кто-то явно провел чем-то железным по кирпичной стенке. Как будто острием стального крюка...

Никите сделалось страшно. Однако он еще был уверен, что это проделки Тимофея. Конечно же, кто еще мог пугать его? Разумеется, только Тимыч!

Молодой человек внимательно осмотрелся по сторонам.

Нет, ему показалось – никого в часовне не было. Да и звук больше не повторялся. Значит, все в полном порядке.

Никита немного успокоился и решил, что, как только Оксана вернется из подземелья, они тотчас смотаются с кладбища. И вообще, идиотская была затея посылать ее одну вниз!

Чувствуя угрызения совести, Никита подошел к люку и крикнул:

– Эй, Оксана! Ладно, возвращайся назад! Пошутили – и хватит!

Однако отклика не последовало. Никита снова позвал, громче, но девушка не отозвалась. Тогда он шагнул по каменным ступенькам вниз.

– Оксана, в чем дело? Ты что, оглохла? А то сейчас уеду один, без тебя! Или ты хочешь провести остаток ночи на кладбище?

Никита оказался в самом низу. Где-то вдалеке, в конце извилистого коридора, он видел призрачное сияние – свет исходил из какого-то помещения. Кто же мог ночью находиться здесь, в подземелье заброшенной часовни?

Молодому человеку было очень страшно. А каково в таком случае Оксане – бедняжка наверняка трясется от ужаса! Ему даже сделалось ее жалко.

– Ну что ты там застряла? – Никита стоял на месте, не решаясь отправиться по коридору в глубь подземелья. – Тебе что, особое приглашение требуется? А, понимаю, ты решила отомстить, напугать меня! Только не изображай, будто на

тебя дядя Крюк напал, все равно не поверю! Так ты там или нет?

В конце коридора возникло какое-то шевеление, и Никита заметил фигуру, шагнувшую из комнаты, откуда лился свет. Молодой человек прищурился:

– Долго же тебя ждать пришлось! Рандеву с маньяком, что ли, у тебя было?

Никита сделал несколько шагов по направлению к Оксане – и вдруг с ужасом понял, что вовсе не она шла ему навстречу! Фигура была зловещая, высокая, облаченная во все черное...

Молодой человек попятился – и в это мгновение позади него что-то щелкнуло. Он обернулся и заметил решетку, которая с грохотом обрушилась с потолка. Никита попытался сдвинуть ее с места или приподнять, но у него ничего не вышло. Парень принялся бить по решетке руками и ногами.

Вдруг раздался знакомый звук – как будто кто-то провел металлом по камню. Никита обернулся и заметил, что темная фигура, лица которой он не видел, направляется к нему. Звук шел именно от нее! Словно... Словно этот некто идет по коридору, ведя стальным крюком по стене...

Фигура взмахнула рукой, и, рассекая воздух, нечто круглое полетело в сторону Никиты. Затем шмякнулось на пол и подкатилось к ногам молодого человека. Содрогаясь, он уставился вниз.

Перед ним лежала голова. Человеческая голова, аккурат-

но отделенная кем-то от туловища. Голова Оксаны.

Несколько неимоверно долгих мгновений Никита тупо смотрел на голову, на приоткрытые накрашенные глаза, на розовые губы, на кончик малинового, вывалившегося из рта языка. А затем заорал и принялся с утроенной силой расшатывать решетку.

Мерзкий звук все нарастал. Снова обернувшись, Никита увидел, что приближающаяся фигура облачена в некое подобие черного плаща с капюшоном, который полностью скрывал лицо. В правой руке столь странно одетого человека что-то блестело. Приглядевшись, Никита понял, что именно, – стальной крюк. Крюк, которым субъект вел по каменной стенке, отчего по подземелью и разносился кошмарный скрежет.

На глаза Никите навернулись слезы, его душили рыдания. Это не могло быть правдой, никак не могло! Однако он находился в подземелье, дорогу к свободе ему отрезала металлическая решетка, у его ног лежала отсеченная голова Оксаны, а на него надвигался... не кто иной, как дядя Крюк. Маньяк, убивший никак не меньше двадцати семи человек, а вероятнее всего, гораздо больше! Маньяк, которого облили бензином и подожгли, после чего он с тридцатиметрового обрыва сиганул в Волгу! Маньяк, который умер ровно двадцать пять лет назад!

Никита изо всех сил навалился на решетку, и та подалась. Скрипя, оторвалась от пола. Молодой человек быстро вста-

вил в образовавшуюся щель ногу, а потом рванул решетку вверх. Повалившись на грязный каменный пол, он выкатился из-под решетки, после чего та с грохотом снова обрушилась на пол. Тяжело дыша, Никита глянул на фигуру, находившуюся всего в каких-то нескольких метрах от него. Так и есть, вместо правой руки у облаченного в черный плащ с капюшоном типа был сверкающий стальной крюк!

Заорав, парень побежал к лестнице. Больше всего он опасался того, что дорогу ему отрежет еще одна решетка или люк окажется закрытым. Но его страхи были напрасны – несколькими мгновениями позже Никита была уже в часовне. И вдруг до него снова донесся отвратительный скрежещущий звук! Ясно: наверняка дядя Крюк тоже покинул подземелье, так как оттуда имелось два выхода – один по коридору, а другой – из комнаты, откуда лился свет.

Слома голову молодой человек бросился бежать. На пороге часовни он споткнулся, полетел наземь, порезав при этом обо что-то руки, но сейчас ему было не до таких мелочей. Хотелось только одного – чтобы кошмар как можно быстрее закончился! Чтобы все оказалось неправдой! Чтобы он снова был в центре Заволжска, а не на заброшенном кладбище, преследуемый дядей Крюком!

Пока Никита несся по кладбищу к своему кабриолету, он еще несколько раз споткнулся и грохнулся на землю. Парень бежал и то и дело оборачивался, стараясь понять, преследует его маньяк или нет. Ведь все это не могло быть правдой!

Однако перед глазами так и стояла отрезанная голова Оксаны. Дядя Крюк убил ее – и намеревается убить теперь его, Никиту!

Внимание привлекло яркое пятно вдалеке – как будто костер с огромными языками пламени. Вылетев с кладбища к берегу Волги, Никита сразу увидел, что там горит. Полыхал его кабриолет. Подбежав было к нему, он тотчас отпрянул в сторону – автомобиль походил на огненный шар. И заметил валявшуюся рядом канистру. Кто-то облил его кабриолет бензином и поджег! Никите не было жаль дорогостоящую игрушку, подаренную ему к окончанию школы матерью. Но ведь теперь он не мог быстро смыться отсюда! Никита заметил в проеме кладбищенского забора фигуру в черном. Схватив пустую канистру, Никита швырнул ее в преследовавшего его убийцу, но емкость не долетела до дяди Крюка. Молодой человек хотел было позвонить матери – та в течение считанных минут организует ему подмогу. Но, запустив руку в пустой карман брюк, вспомнил, что мобильник остался в горящем кабриолете. Еще мобильник был у Оксаны, которую дядя Крюк только что убил, чью голову маньяк швырнул ему под ноги...

Темная фигура надвигалась на него. Никита развернулся и бросился к дороге. Однако шоссе было пустынным. Конечно же, ведь был самый глухой час суток! Никита побежал по середине трассы, по направлению к городу, то и дело оглядываясь. Но не мог толком сказать, преследует ли его маньяк

или нет.

Он очень часто оборачивался и тем не менее увидел ослепившие его фары в самый последний момент. Никита поднес к лицу руку, загораживаясь от яркого света, попытался метнуться к обочине – и в тот же миг его подбросило в воздух. А затем тело молодого человека с хрустом рухнуло на асфальт...

Илья Новгородцев

Илья проснулся сразу же, как только услышал звонок, – сказывалась многолетняя привычка. Не открывая глаз, ткнул рукой в сторону, пошарил по тумбочке и, схватив мобильный телефон, поднес его к уху.

– Илюша, ты мне нужен! – услышал он голос Михаила Федоровича Пономарева, своего начальника. – Причем немедленно – произошло кое-что непредвиденное. Так что соберись, через десять минут тебя заберут.

Новгородцев положил мобильный обратно на тумбочку и устался в потолок. Часы показывали двадцать минут пятого. Было раннее утро воскресенья.

Илья зевнул, зажмурился, потом быстро открыл глаза и спрыгнул с кровати. Одна минута из отведенных десяти уже прошла. А если Михаил Федорович сказал, что его заберут через десять минут, значит, так оно и будет. И сам Пономарев, и работавшие на него люди были предельно пунктуальны.

Илья быстро натянул трусы и джинсы и взглянул на женщину, лежавшую на боку и мирно спавшую. Склонился над ней, поцеловал в шею, отчего женщина, заворочавшись, проснулась.

– Меня вызывают, – прошептал он ей на ушко. – Однако ты, конечно же, оставайся и спи!

Женщина пробормотала что-то невнятное и перевернулась на другой бок. В комнате было жарко, поэтому она, как и Илья, спала обнаженной. Прикрывавшая ее простыня сбилась, открывая великолепную картину. Новгородцев залюбовался ее фигурой, однако одернул себя – время шло, он не был еще готов, а Михаил Федорович не любил ждать.

Поэтому Илья поспешил в ванную, где привел себя в порядок. Уставившись на свою физиономию в зеркало, решил, что бриться не будет – времени на это уже не было. Да и у него же законный выходной! Выходной, который он намеревался провести со своей новой подругой, не вылезая из постели. Однако благостной надежде исполниться было, увы, не суждено.

Илья пригладил смоляную шевелюру, прополоскал рот водой и обернулся к стиральной машинке, на которой громоздилась огромная куча белья, как чистого, так и грязного – все лежало вперемешку.

Вытащив одну из рубашек, Илья критически осмотрел ее, отшвырнул, запустил руку в кучу и извлек другую. Однако та была слишком мятая. Значит, придется натягивать майку.

Он обувался, когда в дверь позвонили – посланный за ним человек уже прибыл. Раздалось знакомое мурлыканье – Илья заметил своего старого друга и любимца, черного кошару Аяврика (что по-якутски означало «любимчик»), возникшего, как водится, из ниоткуда и сейчас теревшегося о его ноги. Это значило, что Аяврик желает перекусить.

Илья бросил взгляд на наручные часы, затем метнулся на кухню, открыл холодильник, достал кастрюльку, в которой плескалась вареная рыба, извлек пару штук и положил в красную миску, стоявшую в углу. Кот с энтузиазмом набросился на завтрак.

Потрепав поглощающего рыбу любимца по загривку, Илья произнес:

– Ты уж будь к моей гостье поласковой, Аявр! А то есть у тебя дурная манера – ревновать их всех ко мне. Или ты хочешь, чтобы я так и помер холостяком? Мне ведь скоро тридцать, жениться пора!

Аяврик утробно заурчал, что Илья истолковал, как пожелание кота, чтобы хозяин оставил его в покое со своими сентенциями и позволил наслаждаться рыбой. Илья знал, что тот все равно поступит, как считает нужным. В конце концов, у него был удивительный нюх на женщин. И те, которых он своим несносным поведением заставлял быстро покидать квартиру хозяина, точно не принесли бы, как выяснилось позже, Илье счастья.

Звонок домофона повторился. Новгородцев метнулся в прихожую, схватил с трюмо мобильный, ключи и портмоне, вышел в общий коридор и закрыл за собой дверь. У подъезда шестнадцатизажки, на седьмом этаже которой и обитал Илья, его ждал милицейский «уазик». За рулем сидел пожилой шофер.

Пожелав ему доброго утра, Илья забрался в кабину ря-

дом с ним. «Уазик», фырча, тотчас тронулся с места. Илья не задавал никаких вопросов – во-первых, шофер наверняка и сам не знает, что случилось, во-вторых, если Михаил Федорович вызвал его в такую рань, значит, дело серьезное.

Михаила Федоровича Пономарева Илья считал своим учителем – причем не в банальном смысле слова, а в спиритуальном. На Востоке такого человека называли бы сенсеем. Да, он был его наставником и мудрым советчиком. Собственно, именно ему Илья был обязан решением податься сначала на юридический факультет местного университета, а затем, после окончания, на работу в органы.

Пономарев занимал должность начальника следственно-го управления Следственного комитета при прокуратуре За-волжска, советник же юстиции Илья Новгородцев работал старшим следователем. Знал Илья Михаила Федоровича уже давно, практически с самого детства. Еще бы, ведь тот был в городе фигурой поистине легендарной – именно он больше двадцати пяти лет назад сумел поймать дядю Крюка, то есть маньяка Онойко. Если бы не Пономарев, то преступник гулял бы на свободе еще многие месяцы, а то и годы и лишал жизни все новых и новых жертв. Но благодаря смекалке и решительности участкового Пономарева маньяк и оказался тогда изобличенным, и это несмотря на то что тогда, в середине восьмидесятых, на поимку жуткого серийного убийцы были не только брошены все силы города и области, но и задействованы лучшие столичные следователи. И то, что

в итоге маньяка вычислил именно Михаил Федорович, последний раз подтвердило – в провинции тоже работают толковые люди!

С этого и началась стремительная карьера Михаила Федоровича. А последние четыре года он возглавлял следственное управление. Мог бы вообще-то уйти на хлебную должность в Москву или податься в политику – ему много раз предлагали вступить в партию власти, намекая, что в таком случае Пономареву «светит» место мэра Заволжска или даже губернатора области. Однако на подобные предложения Михаил Федорович отвечал, что не может себе позволить уйти из органов. Мол, если он уйдет, то кто ж тогда будет преступников ловить? Да и властям предержащим он требовался скорее в качестве опытного мента, потому что с той поры, как Пономарев стал начальником следственного управления, криминогенная обстановка значительно улучшилась, раскрываемость преступлений повысилась, а коррупция среди работников силовых органов пошла на спад...

«Уазик» мчался по пустынному Заволжску. Илья заметил группки нарядно одетых подростков – ну да, накануне же по всему городу прошли выпускные балы! На таких мероприятиях всегда что-то случается, ведь сегодняшние школьники и пьют, и принимают наркотики, и оружие с собой носят. Неужели произошла какая-нибудь потасовка? Или даже убийство?

Когда-то, много лет назад, Новгородцев и сам был сорви-

головой и хулиганом, и если бы не встретился ему на пути Михаил Федорович, то сидел бы парень сейчас на зоне, мотая срок, а не являлся советником юстиции и старшим следователем следственного управления. Отца своего он не помнил, и Михаил Федорович был ему намного дороже невесть где пропадавшего папаши.

Итак, что же все-таки случилось? Вопрос не давал Илье покоя. Однако Новгородцев решил, что гадать не стоит, через несколько минут Михаил Федорович введет его в курс дела.

«Уазик» направлялся по шоссе куда-то в сторону психиатрической больницы. Наконец мелькнули сосны, и с крутого берега открылся завораживающий вид на Волгу. Впрочем, в последние годы река значительно обмелела, в ее русле постоянно возникали песчаные косы.

Автомобиль свернул к заброшенному кладбищу, и сердце у Ильи екнуло. Когда-то, много лет назад, еще ребенком, он играл здесь с друзьями.

Это было всего лишь несколько лет спустя после того, как дядя Крюк, он же Роман Андреевич Онойко, был пойман, а затем, по официальной версии, покончил жизнь самоубийством. Именно по официальной, потому что в действительности произошло нечто иное: разъяренные горожане – по большей части родственники жертв – взяли тогда психиатрическую больницу штурмом, забрали с собой маньяка и линчевали его как раз здесь, на берегу Волги. Они облили его

бензином, подожгли, а потом дядя Крюк сам прыгнул с обрыва в реку.

Задействовав свой дипломатический дар, Михаил Федорович сумел тогда разрулить ситуацию, успокоить взбесившихся, жаждавших дальнейших погромов людей и предотвратить кровопролитие. А ведь власти были уже готовы применить грубую физическую силу по отношению к горожанам.

Сейчас Илье бросился в глаза обугленный остов какой-то машины, находившийся неподалеку от обрыва. «Уазик» остановился, Илья вышел из кабины и, заведя Михаила Федоровича, направился к нему.

– Молодец, Илья, что так быстро прибыл! – произнес Пономарев, высокий жилистый мужчина лет пятидесяти пяти, однако выглядевший молодцевато и значительно моложе своих лет.

Отбросив пятерней седой чуб, Михаил Федорович перевел взгляд на упитанного лысеющего типа с черными, зачесанными назад волосами. Субъект, облаченный в шикарный костюм, с массивной платиновой, с узором из мелких бриллиантов, печаткой на безымянном пальце левой руки, был прекрасно знаком Илье – прокурор города Вениамин Юлианович Кот. Что верно, то верно – фамилия ему досталась говорящая, потому что и своими повадками, и внешним видом прокурор напоминал кота Толстопуза из диснеевских мультфильмов. С начальством он был чрезвычайно милым, даже

очаровательным – и мерзким, мстительным с теми, кто зависел от него самого.

– Долго же, Новгородцев, нам тебя ждать пришлось! – протянул тягуче Кот и взглянул исподлобья на вновь прибывшего (прокурор отчего-то с самого начала невзлюбил Илью, но и тот платил ему той же монетой).

– Зато воздух-то здесь какой! – откликнулся Илья, шумно вздыхая. Затем обвел рукой вид с обрыва и добавил: – И вид какой потрясный, Вениамин Юлианович! Вы же сами говорили, врачи вам рекомендовали как можно чаще и дольше бывать на природе, так что ожидание, надеюсь, пошло на пользу вашему здоровью.

Илья устался на объемную талию прокурора города. Желание того во что бы то ни стало похудеть уже давно было среди работников правоохранительных органов притчей во языцех и объектом разнообразных шуток – как невинных, так и весьма злобных.

Вениамин Юлианович, крикнув, повернулся к Пономареву:

– Михал Федорыч, ты уверен, что Новгородцев – подходящий человек? Предлагаю тебе подумать и подключить к расследованию кого-нибудь другого. Ты же понимаешь, Екатерина Станиславовна хочет результатов как можно быстрее! А я не уверен, что Новгородцев в состоянии их нам обеспечить. – И прокурор зыркнул выпуклыми карими глазами на Илью.

В этот момент зазвенел мобильный, Кот извлек свой телефон и запел в трубку:

– Екатерина Станиславовна, могу вас уверить: мы держим руку на пульсе! Да, результаты уже имеются! Так, мне удалось установить...

Он отошел в сторону, а Михаил Федорович, подавая Илье руку, произнес вполголоса:

– Не слушай ты этого балабола! Ты ведь знаешь, что у него на тебя зуб. Видишь, как перед мэршей извивается? Еще бы, Кот-то хочет сделать карьеру, причем не в нашем замшелом Заволжске, а в столице, Катя же в партии, которая может ему обеспечить восхождение к вершинам власти, далеко не последний человек – в президиуме у них сидит...

В самом деле, мэра Заволжска Екатерину Станиславовну Стекольщикову, напористую, умную и красивую даму, часто показывали и по федеральным каналам, поскольку она занимала высокий пост в партии власти.

– Чья машина-то? – спросил Илья, кивая в сторону обугленного остова. – Сдается мне, кабриолет. Шикарная тачка! Что, кто-то из «позолоченной молодежи» набедокурил? Поэтому нас и подключили?

Они подошли к сгоревшему автомобилю. Михаил Федорович, снова отбросив пятерней седой чуб (фирменный его жест), произнес:

– Ты сразу суть просек. Молодец, мой воспитанник! Да, без «позолоченной молодежи» здесь, конечно, не обошлось.

Но если бы только это... История мерзкая и запутанная. И всем требуются мгновенные результаты, не только императрице Кате. Мне тоже, Илюша. Поэтому я тебя и вызвал.

Новгородцев заметил валявшуюся на земле канистру, нагнулся и понюхал ее.

– Кто-то поджег дорогушую иномарку? – спросил он. – Хм, трагично, но не до такой же степени, чтобы ставить всех на уши – и вас, Михаил Федорович, и Кота...

Илья взглянул на прокурора города, все еще стоявшего около березовой рощицы и разговаривавшего по телефону.

– Да, сомнений быть не может, автомобиль кто-то поджег, – подтвердил Михаил Федорович. – А принадлежит он нашей дорогой госпоже мэру. Вернее, она подарила его на окончание школы своему отпрыску, Никитке.

О сыне госпожи мэра Илья был наслышан, причем в основном плохого. Парень избалован до невозможности, нагл до опупения, бессовестен до крайности.

– Причем ему восемнадцати еще нет, а он уже за рулем давно сидит, – добавил Пономарев. – Но все на это глаза закрывают, гаишники его не трогают. Еще бы, кто же хочет проблем с императрицей Катей или с Котом!

Михаил Федорович тяжело вздохнул. Илья понял, что начальнику хотелось навести порядок и в данной сфере, но, к сожалению, не все зависело от желаний и чаяний его ментора.

– Около часа назад поступило сообщение, что на трассе

случилось ДТП – дальнобойщик, следовавший из Астрахани, сбил человека. Оказалось, что пострадавший и есть Никитка Стекольников, сыночек нашей Кати.

– Насмерть? – задал вопрос Илья. Михаил Федорович потер шею и ответил:

– Слава богу, нет. Парню необыкновенно повезло – его задело по касательной и отбросило. Жив и, похоже, будет жить. Неизвестно, правда, может, останется до конца дней инвалидом. А нечего было переться посередине трассы! Хотя жаль Никитку. Одновременно поступило сообщение из психиатрической больницы. – Михаил Федорович указал на возвышавшийся на горе комплекс из бетона. – Дежурный врач заметил из окна большой костер на обрыве, около старого кладбища. Впрочем, трагедия с Никитой Стекольниковым произошла рядом, в какой-то паре сотен метров. Поэтому, когда сюда прибыли наши ребята, они, конечно, заметили и пылающий кабриолет. Но это только ягодки. Пройдем-ка!

Он двинулся в сторону кладбища. Пономарев с Илей пролезли в дыру в заборе и зашагали между могил. Новгородцев не был на заброшенном кладбище уже лет двадцать – с тех пор, как мальчишкой вместе с товарищами наведывался сюда, чтобы поиграть в войнушку или «живых мертвецов». Но мать, узнав о том, что сын бывает здесь, выпорол его и строго-настрого запретила ходить на заброшенное кладбище. Уж слишком свежи были тогда воспоминания о

том, что именно здесь дядя Крюк оборудовал свое пристанище.

Кладбище, казалось, за прошедшие двадцать без малого лет не изменилось. Те же покосившиеся кресты, те же провалившиеся могилы, те же почерневшие от времени склепы, в которых покоился прах отпрысков некогда богатых и сиятельных семейств Заволжска.

– Ребята сразу обратили внимание на следы крови около автомобиля, – сказал, идя впереди, Пономарев. – Причем создается впечатление, будто кто-то намеренно брызгал там кровью, чтобы привлечь внимание. И следы крови вели от автомобиля именно сюда!

Он указал на руины часовни. Илья вздрогнул – в ней когда-то маньяк Онойко и складировал свои инструменты и отрезанные головы!

– А ведь предлагал я еще тогда, сразу после того, как Онойко поймали, старое кладбище ликвидировать... – проворчал Михаил Федорович, вступая под своды часовни. – Понимаю, что варварство, однако не хватало еще, чтобы для дурных и психованных это место сделалось своего рода Меккой. Ведь всяких там почитателей маньяков у нас в стране хватает! С моим предложением согласились, потом снос кладбища отложили, а затем Союз развалился. Так что ничего с тех пор здесь не изменилось. Разве только установили металлический люк с замками, который не позволял любителям острых ощущений спускаться в подземелье.

В центре часовни, на большой куче из битого кирпича и щебня, Новгородцев заметил труп и медленно приблизился к нему. Это было тело молодой женщины, вернее, девушки. Полностью обнаженное. С множеством ранений. Без головы. Кто-то, вероятно, убийца, отрезал несчастной голову и унес с собой – потому что нигде поблизости головы не было. Илья судорожно сглотнул. Несмотря на то что за годы работы ему пришлось иметь дело с множеством трупов, в том числе отнюдь не хорошо сохранившихся, подобного видеть еще не доводилось. Зрелище было отталкивающим и в то же время завораживающим.

– Михаил Федорович, неужели как тогда? – спросил Илья, подходя поближе к обезглавленному телу.

Появился один из подчиненных Пономарева, которому Михаил Федорович отдал краткие распоряжения. Илья же не мог отвести глаз от кучи кирпича и щебня, щедро политой кровью, на котором возлежал труп.

– Зришь в корень, – кивнул после ухода подчиненного Пономарев и пригладил седой чуб. – Первая мысль, что пришла мне в голову, когда я увидел этот... этот натюрморт, была именно такая! Я ведь, когда мы ловили дядю Крюка, насмотрелся на его художества! Он тоже жертвам головы отрезал, в картинных позах тела оставлял и дорожку из крови к трупам, если они были оставлены в лесу или на свалке, проводил – кровью самих жертв, конечно же. Хотел, чтобы их без промедления обнаружили...

Голос Михаила Федоровича дрогнул. Илья с сочувствием взглянул на Пономарева, а начальник следственного управления Следственного комитета продолжил:

– И вот снова! Меня, Илюша, чуть кондрашка нехватила, когда я сюда вошел и увидел. Впрочем, тот, кто убил девочку, именно подобного результата и добивался.

– Подражатель? – быстро спросил Илья. – Ведь в газетах только что писали – минуло ровно двадцать пять лет с момента... с того момента, как дядя Крюк, объятый пламенем, сиганул в Волгу с обрыва.

– Мне ли не знать! – нахмурился Михаил Федорович. – Не люблю я конец июня, Илюша. Потому что всегда вспоминаю о нем, об Онойко. Впрочем, не проходит и дня, чтобы я о нем, об этом изверге, не вспомнил! Вот, смотри!

Пономарев подошел к куче обломков, на которой покоилось обезглавленное тело, вытащил из кармана пиджака ручку и, держа ее в воздухе, принялся указывать на странной формы раны.

– Их ровно двадцать восемь, Илюшенька. Двадцать восемь! Знаешь, что это означает? А я тебе отвечу. Онойко оставлял на теле своих жертв такое количество ран, нанесенных уже постмортем, какое соответствовало порядковому номеру самой жертвы. Ни секунды не сомневаюсь, что Онойко убивал, живя еще на Украине, а потом и на Урале, но идея с отметинами на теле жертв пришла ему позднее, когда он переехал в Заволжск. На теле его последней жерт-

вы, Насти Панченко, которую мы так и не нашли, наверняка должно иметься двадцать семь следов от крюка. Он ведь их своим любимым инструментом таранил, Илюша. А на теле этой жертвы – двадцать восемь ран, причем нанесенных тоже крюком, могу сразу сказать, у меня глаз наметанный. Уверен: эксперты подтвердят! Понимаешь, о чем веду речь? Тогда, двадцать пять лет назад, было двадцать семь – а сейчас двадцать восемь. Дядя Крюк снова взялся за прежнее!

– Куда вы скрылись? – раздался неприятный голос прокурора Кота, вступившего под своды часовни. – Екатерина Станиславовна желает, чтобы к концу дня имелись результаты!

– Если желает, пусть тогда исследованием и занимается, – проворчал Михаил Федорович, пряча ручку обратно в карман.

– Господи, а это что такое? – охнул прокурор города, заметив труп. – А где у нее голова? Где голова, я вас спрашиваю?!

Он вытаращился на Илью, а тот, пожав плечами, спокойно ответил:

– Предположу, Вениамин Юлианович, что убийца забрал ее с собой.

– Как забрал? – проронил дрожащим голосом прокурор, все три подбородка которого тряслись, как желе. – Кто ему позволил забрать? Почему забрал?

– Это мы сможем установить, когда поймаем убийцу и он

даст показания, — продолжил спокойно Новгородцев. — Но, по всей видимости, ему доставляет садистское удовольствие глумиться над телом жертвы. И выказывать свое превосходство. А головы он, как и дядя Крюк, может коллекционировать. Предварительно извлекать глаза, вываривать, обдирать мягкие ткани...

Прокурор Кот, прижав ко рту розовый батистовый платок, опрометью выбежал из часовни, и со стороны кладбища донеслись характерные звуки, не оставлявшие сомнения в том, что Вениамина Юлиановича выворачивало наизнанку.

— Похоже, прокурору не надо было плотно завтракать, — заметил со смешком Илья. — И ужинать тоже.

Михаил Федорович строго посмотрел на Новгородцева:

— Ты, Илья, это дело прекращай! Кот и так тебя терпеть не может, а ты все только усугубляешь. Вот уйду на пенсию, кто тебя тогда от его нападок защищать будет? То-то и оно! Думай о своем будущем, Илюша!

— Личность убитой уже установили? — спросил Новгородцев.

— Предположения имеются, а уверенности пока нет. Сам видишь, голова-то отсутствует! И одежда тоже. Как и двадцать пять лет назад, убийца забрал одежду. Да и пока что никаких заявлений об исчезновении в милицию никто не подавал. Ведь сам понимаешь, идут выпускные балы, родители своих чад не скоро еще хватятся. Многое бы нам мог сообщить Никита Стеколыщиков, однако он находится в коме и

дать показания не в состоянии.

Пономарев откинул чуб со лба и продолжил:

– Однако не исключено, что речь идет о его подружке, некой Марине Большаковой. Именно с ней Никитка крутил роман на протяжении последних примерно трех месяцев. Она – его одноклассница. Сведения получены от госпожи мэра.

– А как вы относитесь к версии, что Никита Стекольников сам убил свою подругу Марину Большакову, а потом инсценировал весь этот содом? – спросил Илья. – Решил представить совершенное преступление как деяние маньяка-подражателя и, так сказать, продолжателя дела дяди Крюка. Ведь парень, как я понимаю, наш заволжский плеябой, который уверен, что если его мамаша – мэр, то ему все дозволено. Не исключено, что и убивать...

Михаил Федорович снова кивнул.

– Вот поэтому я тебя и вызвал, Илюша. Такая версия императрице Кате, конечно же, не понравится. Думаю, даже очень не понравится. И если девчонку в самом деле убил Никитка, то Кот приложит все усилия, чтобы дело замять. Думаешь, он тут у нас под ногами случайно вертится? Или другой вариант. Никитка, может быть, и не убийца, но все равно каким-то боком к произошедшему причастен – как соучастник или свидетель. И это необходимо выяснить. Невзирая на его мамашу и интересы власти! Ты меня понимаешь?

Не дожидаясь ответа Новгородцева, Пономарев продол-

жил как-то устало:

– Не хватало только, чтобы кошмар четвертьвековой давности повторился... Если тут и правда действовал подражатель, то дело швах.

– А дядя Крюк тогда стопроцентно умер? – спросил Илья.

– К чему ты ведешь, Илюша? – поинтересовался после короткой паузы Михаил Федорович. – Хочешь сказать, что здесь побывал Онойко, который чудесным образом выжил? Нет, ерунда! Не мог он тогда выжить, просто не мог! Его же облили бензином и подожгли, а потом он сиганул с обрыва в Волгу, а там до воды не меньше тридцати метров. И даже если все-таки предположить, что маньяк вдруг не умер, а спасся, то где бы он мог спрятаться? Вот именно, нигде, его бы сразу арестовали! А ни в какую больницу человек с множественными ожогами не обращался. Да и с того момента прошел не год, не два, а целых двадцать пять лет! Если Онойко, исчадие ада, тогда и не подох, то с чего бы он стал выжидать так долго и только теперь решился на новое преступление? Нет, Илюша, версия твоя совершенно фантастичная!

Новгородцев и сам не верил в то, что девушку убил Онойко, каким-то образом уцелевший. Но если не дядя Крюк, то тогда кто? Это и предстояло выяснить.

Вернулся прокурор Кот. Стараясь не смотреть на обезглавленное тело, он сказал:

– Я буду держать расследование под личным контролем. Сами понимаете почему – шумихи теперь не оберешься...

Запомните – нужны немедленные результаты!

– Кота за хвост мы тянуть не намерены, не беспокойтесь, – заявил Новгородцев и дерзко посмотрел в глаза прокурору. Тот, поморщившись, более никак не отреагировал, однако Илья знал, что шуточек по поводу своей фамилии Вениамин Юлианович не выносил.

– Вот и давайте, устанавливайте виновного! – вытирая лицо платком, произнес прокурор. – Обо всем мне доложите, хотя у меня и так дел выше крыши, еще сейчас пресс-конференцию давать придется. Кстати, сразу же отметайте версию о том, что действовал какой-то там подражатель Онойко. Потому что нам только нового дяди Крюка не хватало!

Мобильный главы прокуратуры Заволжска снова записал, и господин Кот, не прощаясь, зашагал прочь из часовни.

– Ну вот, отдает приказания, а сам исчезает, – произнес ворчливо Пономарев. – Но в одном он прав, Илюша. Если объявить, что убийство как две капли воды похоже на деяния Онойко, в городе возникнет паника. Да еще и сынок нашей мэрши тут замешан. Однако это вовсе не значит, что надо утаивать от людей правду...

Новгородцев тем временем подошел к металлическому люку, лежавшему на грязном полу, осмотрел перепиленные петли и валявшиеся рядом искореженные навесные замки.

– Да, кто-то приложил большие усилия, чтобы проникнуть в подземелье, – отметил Михаил Федорович. – Часовен-

ку-то надо было снести, да архиепископ воспротивился. Ладно бы отреставрировали ее, так нет, оставили все как есть! И любой сумасшедший, возомнивший себя продолжателем дела Онойко, мог использовать подземелье для своих кровавых дел.

Илья ступил на поросшую мхом ступеньку. Михаил Федорович протянул ему фонарик.

– И крышку, и замки исследуют эксперты, только, боюсь, отпечатков пальцев убийцы на них не найти. Заметно, что профессионал поработал. Эх, побыстрее бы схватить изверга!

– А головы жертв Онойко так и не нашли? – осторожно спускаясь в подземелье, спросил Илья. Яркий луч света плясал на темных стенах.

– Нет, Илья, – ответил Пономарев, шедший за ним. – В гараже у Онойко обнаружили кое-какой инструментарий, а здесь, в его логове, банку с человеческими глазами. А также чан, в котором он вываривал головы. Маньяк и не скрывал, что коллекционировал черепа тех, кого отправил на тот свет. Только хранил он их где-то в другом месте. Я бы из него рано или поздно вытряс эту информацию, но потом начались волнения в городе...

Они оказались в подземелье. Илья осторожно двинулся по коридору. Его внимание привлекла решетка, свисавшая с потолка. Новгородцев осмотрел ее – металл был не ржавый, кто-то старательно зачистил его и смазал машинным маслом.

– Похоже, кто-то тщательно подготовился к убийству, – заметил Илья. А Михаил Федорович, тоже изучая решетку, добавил:

– И вот что меня больше всего беспокоит, Илюша... Тот, кто девчонку прикончил, явно намеревается убивать и дальше. Не верю я, что на этом новый дядя Крюк прекратит свои кровавые деяния. Онойко бесчинствовал больше трех лет и загубил двадцать семь человек, поэтому нам надо как можно быстрее изловить преступника!

Пройдя еще около десяти метров, они оказались в просторной крипте, где некогда покоились гробы наиболее почитаемых монахов. После революции часовню переоборудовали под склад.

Илья увидел множество оплывших свечей. Пономарев быстро произнес:

– Мы тогда все вынесли, ничего здесь не осталось. Свечи сюда принес наверняка убийца.

Новгородцев склонился над большим свежим пятном, похожим на кровь. В этот момент раздалась мелодичная трель мобильного телефона. Илья уставился на Михаила Федоровича, а тот в недоумении посмотрел на него.

– Это точно не мой! – сказал Новгородцев.

– И не мой тоже! – заметил Пономарев.

Илья быстро обернулся. Если звонит не его собственный телефон и не телефон начальника, значит, где-то в крипте лежит чужой мобильный! Ориентируясь по звуку, Новгород-

цев отыскал в углу миниатюрный розовый, усыпанный сверкающими стразами аппаратик и вопросительно взглянул на Михаила Федоровича.

– Не похоже, чтобы он принадлежал убийце, – прокомментировал тот. – Скорее, жертве. А ты трубочку-то возьми, Илюша! Потому что так мы личность жертвы сможем без проволочек установить.

Молодой человек нажал на кнопку приема, приложил аппарат к уху и услышал визгливый женский голос:

– Оксаночка, дочка, ну наконец-то! Я столько раз тебе звонила, а ты все трубку не берешь! Ты где сейчас? Вместе с Тимофеем еще празднуете? Я и ему звонила, но у него автоответчик включен...

– Говорит старший следователь Илья Новгородцев. Представьтесь, пожалуйста!

Ему понадобилось довольно много времени, чтобы убедить собеседницу, что это не шутка. После чего женщина сразу же испугалась. Илье удалось узнать, что даму зовут Татьяна Дмитриевна Полторацкая и что она звонит сейчас по номеру своей дочери Оксаны Полторацкой, выпускницы гимназии № 8 города Заволжска. Прошедшей ночью Оксана вместе со своим другом Тимофеем Даниловым отмечала в ночном клубе «Змей Горыныч» получение аттестата о среднем образовании. Последний раз Татьяна Дмитриевна говорила с дочерью около одиннадцати часов вечера. С тех пор она неоднократно пыталась дозвониться, но Оксана не отве-

чала.

Илья выяснил адрес Полторацких и, игнорируя стеллажи мамы, которая желала переговорить со своей дочерью немедленно и спросить, почему ее телефон оказался в чужих руках, сказал, что сейчас подъедет к ней лично и все объяснит.

– Выходит, что жертва – не подружка Никитки Стекольников, некая Марина Большакова, а Оксана Полторацкая... – произнес задумчиво Михаил Федорович. – Хотя это еще вилами на воде писано. Так что отправляйся к родителям Полторацким, Илюша, и расспроси их хорошенько. Пусть бы они приехали на опознание. Но, с учетом того, что тело обезглавлено... Однако нам необходимо выяснить, кто является жертвой убийства!

Пономарев задумчиво прошелся по крипте и вдруг остановился.

– Если убийца думает, что продолжит деяния Онойко, то глубоко заблуждается! Я ему не позволю! Да и использовать часовенку в качестве своего логова у него не получится – слишком много ошибок новоявленный убийца допустил. Чует мое сердце, что скоро мы его схватим. А ты поезжай, Илюша, поезжай...

К полудню многое прояснилось. Илья побывал в доме у семейства Полторацких, после чего напуганные родители отправились напрямик в городской морг, куда уже было перевезено тело обезглавленной жертвы. И они опознали в по-

койнице свою дочку Оксану – по крошечному родимому пятну над левой лопаткой и лаку с затейливым рисунком, который покрывал пальцы рук и ног несчастной. С матерью жертвы случилась истерика, а отца пришлось доставить в больницу, так как у него стало плохо с сердцем.

На выходе из морга Илья заметил высокую дородную даму лет пятидесяти с короткими огненно-рыжими волосами и сдобным лицом. На необъятной груди дамы сверкала огромная аляповатая брошь в виде паука. Рядом находился тщедушный молодой человек с фотоаппаратом. Распахнув кровавые губы, за которыми блеснули неестественно белые, наверняка фальшивые зубы, дама ринулась к Илье, взывая зычным басом:

– Илья Евгеньевич! Что вы можете поведать средствам массовой информации Заволжска о кошмарном происшествии, расследованием которого сейчас занимаетесь? Неужели дядя Крюк вернулся, причем день в день после своей бесславной кончины двадцать пять лет назад?

Дама тыкала следователю под нос диктофон, а фотограф щелкал камерой. Илья довольно грубо отпихнул субтильного парня в сторону, выхватил у журналистки диктофон и выключил его.

Дебелая белозубая дама была ему отлично известна. Вернее, лично он ее не знал, однако был наслышан о Ларисе Звездинской, главном редакторе местной желтой-прежелтой газетки «Наш город». Издание, возглавляемое мадам Звез-

динской (ее настоящая фамилия была Бормотухина), специализировалось на перепечатке дешевых сенсаций из столичных изданий и распространении изобретенных в недрах собственной редакции слухов и сплетен. Еще Лариса была председателем Фонда жертв дяди Крюка (так сию организацию именовали в народе, в действительности же она носила иное, мудреное название) – больше четверти века назад ма-ньяк Онойко убил младшую сестру тогда еще начинающей журналистки. Бормотухина-Звездинская лихо пила коньяк, курила сигары, обожала лишать девственности застенчивых молоденьких сотрудников и коллекционировала затейливых форм броши, коих у нее, по слухам, было больше семисот.

– Никаких комментариев я давать не намерен! – процедил сквозь зубы Илья, возвращая мадам редакторше диктофон и пытаясь протиснуться мимо.

Но не тут-то было. Звездинская явно не желала упускать его.

– Нам все известно, – завопила она. – Убийца отрезал жертве голову и унес ее с собой, а это почерк дяди Крюка! Кроме того, на теле жертвы насчитали двадцать восемь ранений! Онойко возобновил убийства? Как вы можете объяснить данные факты?

Илья ничего объяснять не собирался. Он прошествовал к ждавшему его «уазику», а Звездинская проорала ему в спину:

– Форменное безобразие! Власти и правоохранительные

органы пытаются скрыть от жителей города правду! Однако мы, представители СМИ, не дадим вам замолчать факт жестокого убийства! Илья Евгеньевич, правда ли, что в причастности к смерти девицы по имени Оксана подозревают сына нашего драгоценного мэра, Екатерины Станиславовны? Неужели он и есть новый Онойко?

– Никаких комментариев, я же сказал! – бросил Илья через плечо, плюхаясь на сиденье. Меньше всего ему хотелось отвечать на вопросы Звездинской, которой все равно требовалась не информация, а исключительно сенсация.

Редакторша просунула толстую белую руку, сверкавшую множеством перстней, в открытое окошко – в кулаке был зажат диктофон – и гаркнула:

– Илья Евгеньевич, общественность имеет право знать все кошмарные детали! Маньяк Онойко загубил двадцать семь жизней, и вот новое убийство. Значит ли это, что и на сей раз многие из жителей Заволжска станут его жертвами? Когда вы намерены дать пресс-конференцию?

«Уазик» затарахтел. Илья снова выхватил у журналистки диктофон. Автомобиль тронулся с места. Смешно переваливаясь с боку на бок, Звездинская заголосила:

– Отдайте диктофон! Ну, кому говорю! А не то я накатаю на вас заявление!

– А, так это ваш... – с деланным недоумением протянул Илья. – Тогда, конечно, заберите!

И он швырнул диктофон в окошко. Тот, брякнувшись об

асфальт, разбился. Бормотухина-Звездинская запричитала, склоняясь над его обломками.

– Как же вы неловки! Сами виноваты, надо было ловить! – крикнул мстительно Илья.

А затем обратился к шоферу:

– Давай, гони побыстрее отсюда!

Подняв с асфальта диктофон и убедившись, что аппарат не работает, дама горестно вздохнула. Однако не в ее правилах было впадать в уныние.

– Фотографии Новгородцева у тебя имеются? – спросила она фотографа, на что тот ответил положительно. – Ну что же, Илюша, ты мне еще ответишь за разбитый диктофон... – прошипела Звездинская, в голове которой уже созревала новая сенсационная клеветническая статейка.

– И это все, клянусь вам! – произнес испуганным тоном парень, сидевший перед Новгородцевым.

Илья еще раз взглянул на бумаги, лежавшие на столе. Тимофей Данилов, семнадцати лет от роду, до вчерашнего дня – ученик гимназии № 8. И, как выяснилось, лучший друг Никиты Стекольников.

На него Илья вышел через Марину Большакову. Постепенно ему удалось восстановить картину того, что случилось прошедшей ночью.

– Значит, вы утверждаете, что после ссоры с Никитой Стекольниковым покинули с Мариной Большаковой часовню на заброшенном кладбище и направились пешком обратно в

город? – спросил Илья. – Однако как же объяснить тот факт, что вы оказались в ночном клубе «Змей Горыныч» около половины пятого утра? Так быстро попасть туда вы физически не могли!

Вопрос звучал угрожающе, однако сам старший следователь был уверен, что сидевший перед ним перепуганный юноша не имеет отношения к убийству Оксаны Полторацкой. Подозрительно, конечно, что он являлся ее другом, ведь в большинстве трагических случаев убийцами оказываются именно мужья и бойфренды, однако у Данилова имелось алиби – он покинул часовню вместе с Мариной Большаковой, когда Оксана Полторацкая была еще жива и здорова. Илья не верил в то, что Большакова прикрывает Данилова, обеспечивая ему фальшивое алиби. Тот откровенно рассказал о своей ссоре со Стекольниковым и о том, что Оксана, являвшаяся вообще-то девушкой Тимофея, предпочла, однако, остаться в обществе сынка мэриши. Конечно, при других обстоятельствах это можно было бы расценить как весомый повод для убийства из-за ревности, и все же Новгородцев верил показаниям Данилова и тому, что мальчишка к убийству не причастен.

Тот, кто убил Оксану Полторацкую, действовал не спонтанно, а в соответствии с заранее составленным адским планом. И следователь не мог себе представить, что вот этот семнадцатилетний юноша является жестоким маньяком, отрезавшим своей подруге голову лишь за то, что она пред-

почла ему общество избалованного сына градоначальницы. Да и Марина Большакова, которую допрашивали в соседнем помещении, уверяла: когда они с Тимой покинули кладбище, Никита и Оксана были в полном порядке.

– Мы тормознули попутку, – пояснил Тимофей.

– Ночью? Попутку? На пустынном шоссе? – протянул Новгородцев, отлично уже знавший, что парень говорит правду. Ведь то же самое утверждала и Марина. Более того, девушка даже запомнила номер автомобиля, подвозившего их, и смогла толково описать мужчину, находившегося за рулем. Илья уже успел переговорить с ним, и тот полностью подтвердил показания молодых людей. Тот человек подбросил неожиданных пассажиров до ночного клуба, а затем отправился к себе домой. Так что убить Оксану ни Тимофей, ни Марина никак не могли.

– Да, именно так! – заявил Тимофей Данилов. – Вы у Марины спросите! Белая «Хонда», старенькая уже. Номер я не запомнил, но ведь вы сможете найти этот автомобиль, ведь так? Хотите, я водителя опишу? Ему лет за шестьдесят, низенький такой, седой, с усами. Немного на телеведущего Якубовича похож. Одет он был...

Илья выслушал показания Тимофея, а затем вышел из комнаты. Оснований для задержания Данилова и Большаковой не было. Они являлись важными свидетелями, но никак не убийцами.

– Значит, так, – сказал Илья, возвращаясь в помещение. –

Дадите подписку о невыезде и можете быть свободны.

Он заметил, что Тимофей колеблется. Наконец Данилов произнес:

– А Оксана... Вы не ошиблись? Это точно она?

– Она, она, – заверил его Илья.

Тимофей шумно выдохнул. Новгородцев внимательно посмотрел на него и для себя отметил: что-то не заметно, чтобы кончина Оксаны, притом такая ужасная, особенно опечалила парня. Впрочем, судя по всему, его бывшая девушка была еще той штучкой – капризной, вздорной и к тому же ветреной.

– А я могу... проститься с ней? – спросил Тимофей. На что Илья, закрывая лежавшую перед ним папку, ответил:

– Вот будут похороны, тогда и проститесь. И кстати, можете быть благодарны судьбе – если бы вы не поссорились со своим лучшим другом, возможно, в морге находились бы сейчас и вы.

Оставшись один у себя в кабинете, Илья позвонил Михаилу Федоровичу. Тот выслушал сжатую версию того, что удалось узнать, и сказал:

– Илюша, загляни-ка ко мне! Есть кое-что интересное. По телефону не хочу говорить...

Пятнадцать минут спустя Новгородцев сидел в кабинете начальника следственного управления. Тот был не один – там же находился франтовато одетый старичок, отлично известный Илье, – Аарон Исаакович Кацнельсон, личность по-

истине легендарная. На протяжении без малого сорока лет тот возглавлял команду судмедэкспертов и патологоанатомов Заволжска и ушел на пенсию всего лишь несколько лет назад. Однако старик никак не мог смириться с тем, что оказался не у дел, и, по слухам, писал мемуары. Аарон Исаакович был, как водится, облачен в темный костюм-тройку, а его морщинистую шею украшал яркий галстук-бабочка.

Илья сразу отметил, что Пономарев чем-то очень встревожен. Михаил Федорович, прохаживаясь по кабинету, попросил гостя:

– Аарон Исаакович, не могли бы вы повторить то же самое, что недавно сказали мне?

Кацнельсон пожевал сухими губами, поправил бабочку и произнес надтреснутым голосом:

– Я имел возможность осмотреть тело Оксаны Полторацкой, находящееся сейчас в морге. И со всей ответственностью могу заявить – ранения нанесены при помощи одного из тех колюще-режущих орудий, что и ранения всех предыдущих жертв Онойко.

Илья окаменел. А Аарон Исаакович добавил:

– Мне ли не знать! Ведь именно я проводил тогда вскрытие жертв дяди Крюка. И сразу же обратил внимание на то, что нож, или, вернее, кинжал, которым убийца наносил ранения, обладает уникальной формой. Следы характерные, их ни с чем спутать нельзя. Подозреваю, что убийца об этом тоже был в курсе, и оставляемые им на телах жертв следы слу-

жили своего рода фирменным знаком, его печатью и подписью. Такое для серийных убийц весьма характерно. К примеру, в Австралии...

Кацнельсон пустился было в рассуждения о деяниях австралийского маньяка, но Илья, опускаясь на стул, перебил его:

– А ошибки быть не может?

Аарон Исаакович фыркнул:

– Молодой человек, я никогда не ошибаюсь! Никогда! И убежден: использован один из трех крюков, которыми в свое время орудовал Онойко. И еще. У новой жертвы, Оксаны Полторацкой, голова отделена от туловища весьма профессионально. Очень похоже на то, как Онойко отрезал головы своим жертвам. Он ведь сам признался на допросах, что тренировался на животных.

– Подозреваю, что и на людях, – заметил мрачно Пономарев. – Значит, вы не исключаете того, что...

Михаил Федорович запнулся, и Кацнельсон хитро улыбнулся:

– Понимаю, что вы хотите спросить, Миша. Да, я не исключаю того, что убийца Оксаны Полторацкой – тот же самый человек, который наводил ужас на наш Заволжск больше двадцати пяти лет назад. Техника убийства очень и очень похожа! И подобная схожесть никак не подпадает под категорию случайности. Заявляю вам с полной ответственностью: такая случайность невозможна по определению.

– Но как же так? – растерялся Илья. – Вы хотите сказать, что... что девицу прошедшей ночью убил Онойко? Но это же полный бред!

Слово «бред» Аарону Исааковичу явно не понравилось. Гневно сверкнув глазами, старый эксперт отчеканил:

– Факты – упрямая вещь, молодой человек! Я готов засвидетельствовать, что ранения, нанесенные убийцей Оксана Полторацкой, идентичны ранениям, которые я в свое время имел возможность наблюдать на телах жертв Онойко. Я вовсе не утверждаю, что действовал один и тот же человек, что невозможно хотя бы по той простой причине, что Онойко мертв. Да, он, вне всяких сомнений, умер, и даже тот факт, что его тела так и не нашли, не заставит меня поверить во что-либо иное. Однако разрешу себе напомнить – ни головы жертв, ни большую часть инструментария Онойко тогда так и не нашли. По всей видимости, он спрятал их в тайнике, месторасположение которого было известно только ему одному. И эта тайна сгинула вместе с ним самим.

– Вы хотите сказать, что кто-то сейчас нашел тайник и решил продолжить убийства маньяка Онойко? – потрясенно спросил Илья.

– Это было бы вполне логичным объяснением, – развел Кацнельсон руками. – Однако меня смущает то, что техника умерщвления жертвы поразительно похожа на технику умерщвления, применявшуюся Онойко. Повторяю, речь не идет о совпадении! Одно из двух – или неведомо каким об-

разом кто-то наитщательнейшим образом копирует стиль и почерк дяди Крюка, что само по себе невозможно, потому что для этого требуется знать, как именно убивал Онойко, а свой секрет тот унес с собой в могилу, вернее, в Волгу, или...

Новгородцев услышал, как засопел Михаил Федорович.

– Или я вынужден признать, что убийцей в самом деле является Роман Андреевич Онойко, который умер двадцать пять лет назад. Но как атеист и здравомыслящий человек я этого, конечно же, не признаю. Все же я медик, более того, патологоанатом, и мне отлично известно, что мертвецы никогда не оживают. И маньяки с того света не возвращаются. Однако с чем именно мы имеем дело в данном случае, я пока не могу сказать. Боюсь, придется дожидаться новых жертв, дабы вынести окончательный вердикт...

Пономарев шумно вздохнул.

– Аарон Исаакович, я крайне признателен вам за то, что вы согласились оказать нам помощь.

– Боюсь, Миша, я все скорее запутал, нежели помог вам с выявлением убийцы несчастной девочки, – произнес, поднимаясь, Кацнельсон. – Разумеется, я буду нем, как рыба, и от меня об этих неутешительных предварительных выводах никто не узнает. Однако земля слухами полнится, и скоро, очень скоро, подозреваю, в городе заговорят о том, что Онойко вернулся с того света и снова принялся за убийства. Не требуется быть гением, дабы понять: именно такую стратегию изберет очаровательная госпожа Звездинская, она же

Бормотухина.

Михаил Федорович проводил гостя до двери, тепло попрощался с пожилым патологоанатомом и, когда тот ушел, произнес:

– Я сам попросил его осмотреть тело, потому что у меня уже появились подозрения. Ведь все те двадцать семь трупов у меня так перед глазами и стоят! И Аарон Исаакович только подтвердил мои опасения. Ранения, выходит, идентичны...

Илья горячо возразил:

– Михаил Федорович, вы же сами понимаете, что такое невозможно! Я имею в виду, невозможно, чтобы Онойко тогда выжил. Если даже предположить, что он пережил падение с тридцатиметрового обрыва в Волгу и ему удалось выбраться на берег, он элементарно не мог остаться в живых – его же до того облили бензином и подожгли! Такие увечья несовместимы с жизнью!

– Да знаю я! – Пономарев хлопнул ладонью по столешнице. – Падение с такой высоты непременно привело бы к несовместимым с жизнью травмам внутренних органов, не говоря уж о том, что маньяк еще и горел, как факел. И ты прав, Илья, Онойко никак не мог выжить!

Однако по тону Михаила Федоровича Новгородцев понял, что в душе того все же копошится червячок сомнения.

– Хуже другое, – продолжал Пономарев. – То, что кто-то решил продолжить убийства. Причем он обладает поразительными познаниями, в первую очередь в технике умерщ-

вления, применявшейся Онойко. К тому же мерзавец использует, по всей видимости, инструменты, которые применял когда-то маньяк. Откуда они у него? Ведь из трех крюков Онойко обнаружили только один, который сейчас находится в местном музее МВД. Куда делись два других, вот в чем вопрос!

Начальник следственного управления ударил уже кулаком по полированной поверхности стола.

– Илюша, эту гниду надо найти и схватить до того, как подонок нанесет новый удар, потому что я ни секунды не сомневаюсь в том, что он планирует другие убийства. Но допустить их мы никак не можем! Что там с теми школьниками, доложи подробнее...

Илья поведал в деталях о том, что дал допрос Тимофея и Марины. Михаил Федорович крутанул пятерней седой чуб и заметил:

– Я и не сомневался, что они к убийству Оксаны не причастны. Тут действовал кто-то опытный, хитрый и очень самоуверенный. И явно взрослый. Никак не семнадцатилетний подросток, уж точно.

Зазвонил один из телефонов на столе у Пономарева. Хозяин кабинета взял трубку, несколько секунд слушал собеседника, а потом молча положил трубку. Телефон практически сразу снова залился трелью.

– Наша Лора не дремлет, – процедил Михаил Федорович, прежде чем ответить на очередной вызов. – Она уже

каким-то образом разнюхала, что Аарон Исаакович посетил меня. Наверняка у нее везде осведомители. Знает журналистка и о том, что Кацнельсон побывал в море, где осматривал тело Оксаны Полторацкой. И, конечно, эта особа, сложив два и два, сделала сенсационный вывод: маньяк Онойко снова принялся за свое кровавое ремесло! Уверен, что она теперь станет нагнетать в городе панику, пичкая людей сказками про ожившего дядю Крюка. Хорошо бы ее остановить. Я поговорю по этому поводу с Екатериной Станиславовной. А ты пока можешь быть свободен...

Илья взял в руки мобильный телефон Оксаны Полторацкой, найденный на месте преступления. Идея, которая пришла ему в голову, была проста и в то же время занимательна.

Аппарат посверкивал стразами, лучившимися под искусственным светом. Почему телефон вообще оказался на месте преступления? Может, Оксана пыталась дозвониться, скажем, до родителей или до милиции, когда на нее напал убийца? Однако такого звонка зарегистрировано не было. К тому же следователь не сомневался, что у девушки элементарно не было возможности вытащить телефон и попытаться набрать чей-то номер: тот, кто отрезал ей голову, наверняка напал неожиданно.

Илья проверил исходящие звонки – последние сделаны еще вечером, задолго до гибели. Оксана звонила своим родителям, а также Тимофею Данилову, что сходилась с показаниями самого Данилова.

Конечно, телефон мог выпасть из руки Оксаны, когда преступник набросился на нее, и маньяк, увлеченный процессом убийства, не заметил этого. Но спрашивается – отчего вдруг телефон оказался у Оксаны в руке? Она что, намеревалась кому-то звонить?

Непонятым было и то, что девица вообще решилась спуститься в подземелье – в глухой час ночи, на заброшенном кладбище! Илья не был уверен, что сам бы рискнул пойти на такое. Нет, в «живых мертвецов» и прочую кладбищенскую нечисть он, конечно же, не верил, но все равно неприятно. И ведь покойная Оксана явно принадлежала к разряду провинциальных Пэрис Хилтон – таких уж точно не тянет к экстриму, девушки подобного типа ночью по заброшенным кладбищам не шастают.

Новгородцев знал уже, конечно, что у Никиты Стекольниковца возникла идея наведаться к обрыву, откуда дядя Крюк сиганул в Волгу. Он же предложил заглянуть и на кладбище. Но почему же так вышло, что маньяк напал на Оксану в подземелье под часовней, о чем свидетельствовали следы крови, а Никиту сбил дальнобойщик на шоссе?

Это могло означать следующее: сынок мэрши, увидев, что некто нападает на Оксану, просто-напросто позорно бежал прочь, спасая свою жизнь и бросив девицу на произвол судьбы. Но Илья сомневался, что маньяк решился бы напасть на двух человек, на парня и девушку, которые спустились в подземелье вместе. Тогда бы убийца, вероятнее, атаковал сна-

чала Никиту, чтобы обезвредить его и вывести из строя, и только потом накинулся на беззащитную Оксану.

То, что телефон почему-то оказался в руке девушки, не давало следователю покоя. Илья помнил, что аппаратик, обнаруженный в крипте, лежал на каменных плитах в раскрытом виде. Значит, девушка все же намеревалась куда-то позвонить? Нет, эту версию он уже отмел. А может...

Так и есть! Илья проверил свою догадку и, пролистав память телефона, обнаружил две видеозаписи. Одна была сделана примерно месяц назад, поэтому не интересовала его. Другая же оказалась датирована сегодняшним числом.

Новгородцев включил запись. Возникло дрожащее изображение входа в подземелье, откуда лился призрачный свет. Снимала явно Оксана.

– Никиточка, а ты точно тогда со мной будешь? – пропищала она. – Ты меня не обманываешь? Поклянись!

Голос девушки звучал испуганно. Откуда-то со стороны ей ответил голос молодого парня, и Илья не сомневался, что слышит Никиту Стекольникову:

– Клянусь... Гм, чем бы поклясться? Ага... Клянусь головами, которые дядя Крюк отрезал у своих жертв! И пусть он мне тоже башку отрежет, если вру! Я буду с тобой, Оксаночка, и только с тобой!

Так, так... Значит, сынок мэрши обещал глупой девице, что станет ее бойфрендом, если она одна ночью спустится в подземелье. Вот ведь мерзавец!

На экране мелькнули покрытые мхом ступеньки, и снова до следователя донесся дрожащий голосок Оксаны:

– Я ничего не боюсь, все это всего лишь сказки... Ой, мамочки, что тут такое? Мокрица! Господи, да их тут тысячи! А там что! Паук! Никиточка, тут паук! Такой огромный и лохматый!

– Если не будешь трогать пауков, то и они тебя не тронут! – раздалось в ответ. – Ну, живо туда, где свет горит! И снимай все на мобилу, снимай!

На экране возникло изображение большого лохматого паука, притаившегося в углу. Наконец Оксана спустилась вниз. Появилась картинка: длинный коридор, откуда-то из помещения в самом его конце льется тревожный призрачный свет.

– Как страшно... ой, как страшно... – бормотала Оксана, шествуя по коридору вперед, к источнику света. – Однако думай, малышка, о чем-то положительном! Например, о том, что теперь Никиточка будет с тобой, а не с жирной коровой Маринкой.

Илья усмехнулся – даже в такой момент Оксана размышляла об одном, а именно о том, как бы насолить сопернице и сделаться новой подругой сына мэрши!

– Ну вот почти и все, – девушка вздохнула. – Никиточке нужны доказательства того, что я здесь побывала, и я их ему вручу. Я ведь смелая, я ничего не боюсь!

Оксана находилась на пороге крипты. Илья увидел десят-

ки зажженных свечей. Оксана восхищенно вскрикнула:

– Господи, красотища какая!

И сразу удивилась:

– Только кто же такое на кладбище-то устраивает?

Тот же вопрос занимал сейчас и Илью. И тут он увидел то, чего, по всей видимости, не заметила Оксана, – сбоку к девушке метнулась тень.

Новгородцев даже вздрогнул. У него пересохло во рту. Девушка же продолжала разглядывать крипту, освещенную горящими свечами. Оксана подошла к каменному помосту, продолжая что-то тихонько бормотать себе под нос.

И тут Илья заметил, как над головой девушки мелькнул металлический крюк. Вслед за тем раздался протяжный стон. Оксана выронила мобильный телефон, и тот упал на каменный пол, причем набок, так, что можно было видеть, что происходит с девушкой.

Оксана рухнула наземь, а около нее стояла фигура, облаченная в черный балахон. Вслед за тем раздался легкий свист. А потом Илья увидел, как в руке убийцы мелькнул стальной крюк. Крюк впился в тело жертвы, и маньяк поволок Оксану в сторону.

Послышались хлюпающие, тупые звуки. Затем Илья разглядел черную фигуру, приближавшуюся к выходу. В руке убийца держал что-то круглое. Вздвогнув от ужаса, Новгородцев понял, что именно. Это была отделенная от туловища голова несчастной жертвы!

Илья вздохнул и снова просмотрел запись. И сразу в третий раз. Лица убийцы видно не было. Единственное, что можно было рассмотреть более или менее хорошо, так это сверкающий стальной крюк.

Но что все это значит? Неужели... неужели после двадцати пяти лет в аду в Заволжск вернулся монстр по прозвищу дядя Крюк?

Надя Панченко

– Надь, а Надь! Скажи-ка, у тебя имеется какая-нибудь родственница по имени Настя Панченко? – раздался заговорщический шепот Родиона.

Надежда, оторвав взор от дисплея компьютера, взглянула на коллегу. Так и есть, Родион опять пытается клеиться... Но ведь она уже несколько раз объясняла ему, что между ними ничего не может быть! Он до сих пор ничего и не понял?

Не то чтобы Родион совсем Наде не нравился. Нет, молодой человек обладал массой несомненных достоинств – и красив, и с чувством юмора, и с покладистым характером. Однако она просто не воспринимала его как потенциального ухажера. Это же был Родька, с которым она работала бок о бок в течение почти трех лет!

Поэтому Надя взглянула поверх очков на коллегу, сидевшего за столом напротив нее, и ответила с улыбкой:

– Нет, Родик, никакой Насти Панченко у нас в роду точно нет и никогда не было. Но кто знает, может, будет. Хотя имя Настя мне не очень нравится. Уж очень заезженное!

Родион наморщил лоб, почесал свои буйные рыжие кудри и пропыхтел:

– А ты уверена? Может, все-таки какая-нибудь троюродная кузина или четвероюродная тетка?

По всей видимости, Родька не желал оставить попыток

пригласить ее куда-нибудь. Поэтому и пытался выдумать какую-то очередную, но весьма милую ерунду.

– Нет, Родик, ни троюродной кузины, ни четвероюродной тетки с таким именем у меня нет! – заверила его Надя.

И вдруг подумала о том, что у нее вообще нет ни кузины, ни тетки. Так уж вышло, что ни у отца, ни у мамы не было ни сестер, ни братьев. Ни даже теток и дядек. Родители родителей умерли, когда Надя была еще крошкой, и бабушек с дедушками она не помнила. Имелись какие-то дальние родственники, но с ними ее папа с мамой не общались, мотивируя это какими-то давними семейными распрями. Странно, но только сейчас Надя поняла: она не знает вообще никаких своих родственников, ни близких, ни дальних. Может, какие-то и имеются, только родители с ними отношений не поддерживали. Лишь раз в год, всегда во второй половине июня, мама и отец ездили куда-то на три-четыре дня. Вроде на могилу своих родителей в каком-то городе на Волге. Но Надю, несмотря на ее просьбы, они никогда с собой не брали.

– А так на тебя похожа! – не унимался Родион, видимо, все еще рассчитывавший затащить коллегу в ресторан или на кинофильм. – Я бы даже сказал – твоя копия! И ведь фамилия у вас одинаковая, и имена почти одинаковые – ты Надя, а она Настя...

Не выдержав, Надежда поднялась со своего рабочего места и подошла к столу, за которым восседал Родион. Она не сомневалась, что его разговоры о некой Насте Панченко, по-

хожей на нее, не что иное, как его, фантазера, выдумка.

– Ну, и где же ты откопал мою родственницу? – Надя усмехнулась, заметив, что Родька отвернул в сторону дисплей компьютера. – Ты почему пытаешься от меня мою родственницу утаить? Или боишься, я увижу, что на нее не очень-то и похожа?

Родион вздохнул:

– Да понимаешь, Надь, содержание статьи тебе вряд ли понравится. Впрочем, суди сама...

Он развернул к ней дисплей, и девушка увидела большую черно-белую фотографию, а под ней текст. Надя замерла – надо же, Родька и не пытался обмануть ее. Так и есть, со снимка на нее смотрело как будто ее собственное изображение. У девицы из Интернета были длинные темные волосы, высокие скулы и большие светлые глаза. Она выглядела точь-в-точь как сама Надя! Разве что овал лица был немного иной.

– Где ты это раздобыл? – спросила изменившимся тоном Надя. – А, наверное, сам состряпал при помощи фотошопа. Да, Родька?

– Обижаешь, Надюха! – протянул Родион обиженно. – Я сообщение в Интернете нашел, а там твоя фотография была. Вот и удивился – чего это твоя фотка делает в Сети? Статья-то жуткая!

Статья, тут Родион был прав, оказалась действительно жуткая. Заголовок гласил: «Возвращение дяди Крюка. Кровавый маньяк в Заволжске снова принимается за убийства.

Он отрезает своим жертвам головы!»

Надя пробежала глазами статью, подписанную некой Ларисой Звездинской.

Речь в ней шла о провинциальном городе Заволжске, в котором после двадцатипятилетнего перерыва возобновились убийства – буквально на днях было обнаружено обезглавленное тело школьницы Оксаны П. Убийство очень похоже на кровавые злодеяния, имевшие место в Заволжске и окрестностях более двадцати пяти лет назад, в начале и середине восьмидесятых, когда практически ежемесячно находили обезглавленную жертву серийного убийцы по прозвищу дядя Крюк.

Всего маньяк загубил никак не меньше двадцати семи детей, подростков, девушек, причем, несмотря на то что в итоге убийцу поймали (им оказался некий Роман Андреевич Онойко), головы умерщвленных им жертв так и не были обнаружены. Тайну того, где они находятся, Онойко унес с собой в могилу. Он был убит разъяренными жителями Заволжска после того, как убийцу поместили в психиатрическую больницу, признав невменяемым.

Последней жертвой Онойко стала некая Настя Панченко, та самая, чья черно-белая фотография и была размещена в Интернете. Причем не только головы последней жертвы, но даже и ее тела найдено не было. Однако сомнений нет – ее убил дядя Крюк. Тот и сам данного факта не скрывал, однако не пожелал указать, где находится ее труп. Как, впрочем, и

головы прочих жертв...

Надя снова взглянула на фотографию. А ведь точно: Настя Панченко – наверняка ее родственница. Но почему она о ней ничего не знает?

Родители никогда о Насе не говорили, даже не упоминали ее имя. Родилась и выросла Надежда в Москве и ни в каком Заволжске никогда не бывала. И не помнила, чтобы родители произносили название провинциального города.

– Дядя Крюк... – повторила медленно девушка. И вздрогнула.

Родион, бросив на Надю заинтересованный взгляд, спросил:

– Ты что, никогда об этом маньяке не слышала? Ну, мать, ты даешь! Про него ведь часто по телевизору показывают передачи. Вот только недавно прошел многосерийный фильм о самых знаменитых и жестоких маньяках Советского Союза и России. Самым кошмарным признали, конечно, Чикатило. А после него сразу идет дядя Крюк, который отрезал жертвам головы и, по слухам, вываривал их в котле, а мясо ел. При аресте у него была обнаружена большая банка, где плавали глаза, которые маньяк вырывал у несчастных. Вот ведь жуть!

Но Надя не слушала объяснений Родиона, который вообще увлекался всякой жутью. Она смотрела на фотографию Насти Панченко.

Надежда в задумчивости вернулась на свое место. А за-

тем задала поисковой машине слова – «дядя Крюк» и «Настя Панченко». И обнаружила множество сообщений и сайтов, посвященных маньяку Онойко. Надо же, на одной из электронных страниц девушка увидела еще одну фотографию Насти Панченко – та в школьной форме, с цветами в руках вместе с родителями стояла около памятника Фрунзе.

А родители Насти – были ее родители, Надины! Только, конечно, на двадцать пять лет моложе. Вернее даже, на двадцать шесть, потому что фотография была сделана в мае 1985 года, во время последней линейки в школе. Да, да, вне всяких сомнений, вот ее молодая мама со смешным перманентом, а вот отец, тогда еще носивший усы.

Родион что-то говорил, обращаясь к Наде, но девушка не слышала его. Ее так и тянуло немедленно позвонить родителям и задать вопрос о том, почему они столько лет скрывали от нее, что у них имелась старшая дочь по имени Настя. И что когда-то они жили в Заволжске. Но Надежда понимала: такой разговор – совершенно не телефонный.

С большим трудом дождавшись окончания рабочего дня, Надя из рекламного агентства, где она трудилась, направилась не к себе на квартиру, располагавшуюся на проспекте Мира, а к родителям, проживавшим на Ленинградском шоссе. Дверь ей открыла мама. Отец, как водится, находился на даче. Мама сразу же предложила Наде чай с пирогами, и девушка прошествовала на кухню. На языке у нее так и вертелся сакраментальный вопрос, однако задать его она не ре-

шالась.

– Вот я ему и говорю, что он не должен так надрывать-ся... – вещала мама, стоявшая спиной к Наде и готовившая чай. – Однако ты же его, дочка, знаешь! Если ему что в голову втемяшилось, так его уже не переубедить...

– Мама, скажи, кто такая Настя Панченко? – произнесла, собравшись наконец с духом, Надя.

Возникла короткая пауза. Девушка отметила, как напряглась спина мамы. А затем раздался крик – мама выронила из рук фарфоровый чайничек, заполненный кипятком. Надя, забыв о том, что только что так хотела знать, бросилась маме на помощь.

По лицу той текли слезы. Стоя на коленях и закрыв лицо передником, женщина плакала навзрыд. Надя попыталась успокоить маму, уверяя, что ничего страшного не случилось. Однако потом сообразила, что мама плачет вовсе не по этой причине.

– Что здесь у вас произошло? – слышался из коридора голос отца, вернувшегося с дачи. Он прошел из коридора на кухню и нахмурился. – Верусь, Надя, что случилось? Чайник уронила? Надеюсь, не обожглась и не поранилась? Так чего слезы-то из-за ерунды, по разбитой посуде лить?

Мама, оторвав от лица передник, подняла на отца заплаканные глаза и прошептала странным тоном:

– Алеша, она все знает!

Отец почесал затылок и спросил изменившимся голосом:

– Верусь, что ты имеешь в виду? Кто и что знает?

Мама с трудом поднялась с пола, оперлась о кухонный стол и выдохнула:

– Надя все знает о Насте. Она меня только что о ней спросила. Господи, я ведь так надеялась, что эта история никогда не всплывет. Ведь прошло уже больше двадцати пяти лет!

Отец, чье лицо помрачнело и налилось кровью, быстро произнес:

– Вера, молчи! Ты что-нибудь ей рассказывала?

Надя, не понимая, что имеют в виду родители, спросила:

– Мне кто-нибудь объяснит, что происходит? Я хочу выяснить, почему вы утаили от меня, что у меня имелась... имелась старшая сестра по имени Настя!

Родители в ужасе воззрились друг на друга. Рука мамы, вцепившаяся в кухонный стол, побелела, а на шее отца вдруг запульсировала артерия.

– Ты что, копалась в документах? В семейных альбомах? – спросил подозрительно спокойным тоном она (Надя знала – если отец говорит так, надо ждать настоящей бури). – Надежда, я тебя спрашиваю!

– Алексей, оставь ее в покое! – воскликнула мама. – Я же с самого начала тебя предупреждала, что рано или поздно все вскроется! Надо было Надю ввести в курс дела, когда она еще ребенком была, а мы все скрывали, скрывали... Утаивали и утаивали...

– Вера! – крикнул отец таким страшным голосом, что На-

дя перепугалась – таким она отца еще никогда не видела. – Замолчи, глупая женщина! Мы все сделали правильно. Потому что... потому что... То, что было, прошло, и нам надо было смотреть в будущее! У нас появилась надежда – наша Надя!

– Папа, мама, прошу вас, не ссорьтесь! – сказала девушка примирительным тоном. – И не говорите загадками! Потому что мне ничего ровным счетом не известно! Понимаю, у вас, видимо, были причины не говорить мне всю правду, и я вас за это не осуждаю. Я только хочу понять! Весть о том, что у меня имелась старшая сестра, ошеломила меня! В Интернете появилось сообщение, что... что в Заволжске снова произошло убийство. Как и тогда... как тогда, когда дядя Крюк убил... убил Настю...

Отец вздрогнул, как будто ему залепили пощечину. Его лицо, и без того уже багровое, сделалось лиловым.

– Надежда, не смей произносить имя этой погани в моем доме! Монстр сдох! Ты понимаешь, сдох! Я сам присутствовал... на берегу Волги... с канистрой в руке...

Его голос дрогнул и перешел в невнятное бормотание. А затем отец повалился на пол. Надя и мама бросились к нему.

Приехавшие paramедики констатировали инфаркт миокарда. Отца отправили в Склиф. Надя порывалась поехать вместе с ним, но мама настояла на том, чтобы дочка осталась в квартире, и сама вызвалась сопровождать супруга.

Надя не находила себе места. У отца случился инфаркт,

причем виновата была она сама! Если бы она не задавала дурацких вопросов, если бы не огорошила его вестью, что узнала о старшей сестре Насте...

И все же Надежда никак не могла забыть о том, что ей стало известно. Оказывается, у нее имелась старшая сестра. Которой сейчас было бы за сорок. В детстве она часто удивлялась тому, что у друзей и одноклассников родители молодые, а вот ее папа с мамой по сравнению с ними уже пожилые. Мама объяснила ей как-то, что они с отцом поздно поженились. Но спустя несколько лет Надя случайно обнаружила их свидетельство о браке. И выяснила: свадьба их состоялась в далеком шестьдесят шестом. А она появилась на свет двадцать один год спустя! И только сейчас Надя припомнила: когда она задала невинный вопрос маме, почему родители так долго не заводили детей, та перепугалась и быстро сменила тему. Тот разговор как-то забылся, да и Надежда считала некорректным выпытывать ответы на подобные вопросы у собственных родителей. В конце концов, кто постановил, что надо рожать ребенка в восемнадцать лет, только выскочив замуж, а не спустя пять, десять или даже пятнадцать лет, встав на ноги, сделав карьеру и обзаведясь собственным домом?

Надя несколько раз набирала номер мамы, беспокоясь за состояние отца, но та на телефонные звонки не отвечала – ее мобильный был отключен. Чувствуя, что не находит себе места от терзавшего ее волнения и к тому же внезапно обуяв-

шего ее любопытства, девушка прошла в комнату родителей, распахнула дверцу секретера и извлекла пачку документов.

Наверное, у отца с мамой были весомые причины не говорить дочери правду. Во всяком случае, так считали родители. Но раз уж теперь ей все стало известно, она имеет право узнать, что именно тогда случилось!

Девушка принялась просматривать старые документы. Нашла фотоальбомы – и обнаружила, что все они начинаются со снимков, на которых запечатлена сама Надя еще младенцем.

Однако на дне платяного шкафа девушка обнаружила фотоальбом, в котором не было ни единой фотографии. Только почерком мамы выцветшие подписи на блеклых картонных листах, под отсутствующими снимками. «Настя и папа на рыбалке». «Мы всей семьей на пикнике». «Воскресное путешествие за Волгу – папа, мама и дочка». «Последний звонок нашей дорогой Настюши».

Настюша! Наша дорогая Настюша!

Надежда закусил губу. Нет, не то чтобы она ревновала родителей к своей сестре, которая... которая стала жертвой серийного убийцы. Однако ей было непонятно, отчего родители скрывали это от нее. Только ли по той причине, что Настю постигла столь ужасная судьба? Или...

В прихожей послышался шум отворяемой входной двери. Надя обвела взором ворох бумаг, лежавших на ковре, на софе и столешнице, и поспешно захлопнула фотоальбом, кото-

рый держала в руках. Однако было поздно, слишком поздно скрывать следы ее... преступления. Да и не хотелось делать вид, будто ее не интересует та старая история. Она имела право знать – знать всю правду, какой бы страшной и горькой та ни была!

Мама вошла в зал – вид у нее был измученный и уставший. Настя бросилась к ней и усадила в кресло. Затем помчалась на кухню и приготовила мятный чай. Вернувшись с подносом, на котором возвышалась дымящаяся чашка с ароматным напитком, заметила маму, сидевшую на софе и переверачивавшую страницы альбома, в котором не было ни одной фотографии.

– Да, да, наш воскресный поход за Волгу... – произнесла та мечтательно, словно с кем-то беседуя. – Дочка, это было так замечательно! Помнишь, ты еще тогда чуть на змею не наступила... Сначала испугалась, а потом дико хохотала, когда папа, коривший тебя за трусость, сам испугался шороха в траве...

Надя осторожно поставила поднос на столик, сообразив, что мама беседует с дочкой – но не с ней, а со своей старшей, Настей. Девушка опустилась на софу рядом с мамой и тихо спросила:

– А какой она была?

Мама, словно выйдя из транса от звука ее голоса, захлопнула альбом и бодрым голосом сказала:

– А, Наденька... Заварила мне мятного чая? Какая же ты

у нас молодец! С папой все в порядке, но ему придется провести неделю-другую в больнице. Однако врачи уверяют, что он поправится. Ах, как вкусно!

Она отхлебнула чая из чашки и принялась щебетать о том, что надо завтра отнести отцу в больницу. Все это выглядело как-то фальшиво и неубедительно. Поэтому Надя повторила свой вопрос:

– Мама, я не осуждаю тебя и папу за то, что вы скрывали от меня часть своей жизни. Наверняка у вас имелись причины. Однако теперь, когда все вскрылось, я имею право услышать правду. У меня имелась старшая сестра, и я хотела бы знать, какой она была...

Рука мамы дрогнула. Женщина осторожно поставила чашку на столик.

– Наденька, прошло столько лет! К чему ворошить прошлое? Ты же видишь, к чему привело твое любопытство – отец с инфарктом в больнице...

– Мне очень жаль, что так вышло! – воскликнула Надежда, вскакивая с софы. – Я же люблю папу, очень люблю! Если бы я только знала, что мои вопросы приведут его к инфаркту... Но... Я не врач, однако рискну предположить, что на пустом месте инфаркт все же не случается. Ведь в течение двадцати пяти лет вы что-то скрывали от меня, обманывали. Утаивали тот факт, что у вас имелась дочь, а у меня – старшая сестра. Конечно, это был для вас постоянный стресс, растянувшийся на долгие годы. Стресс и страх, кото-

рые иссушали душу и грызли сердце...

По щекам Нади катились слезы. Мама поднялась, желая утешить дочку, но та воскликнула:

– Нет, мама, я хочу узнать правду! И не говори, что я не имею на это права! Ведь Настя была не только вашей дочерью, но и моей сестрой! Правда, мне не довелось ее знать... потому что у нас такая большая разница в возрасте... потому что она умерла еще до моего рождения...

Тут Надя замерла, пораженная внезапной мыслью. Мыслью до того кошмарной, что перед глазами у нее пошли радужные круги.

– Настя стала последней жертвой того самого.... Оннойко... дяди Крюка...

– Не смей произносить это дрянное имя в нашей квартире! – вскинулась мама. – Не смей, дочка! Я тебе запрещаю, ты слышишь?!

– Так же, как вы с папой запретили мне знать правду? – спросила горько Надя. – В течение двадцати пяти лет вы обманывали меня!

– Никто тебя не обманывал, дочка! – запричитала мама. – Ты должна войти в наше положение – смерть Насти стала для нас настоящим шоком. Нет, шок – не то слово! Мы не могли больше жить в Заволжске, переехали в Москву. У папы и у меня появилась здесь новая работа...

– А потом и новая дочка, – добавила Надя. – Так ведь, мама? Новая дочка, то есть я.

– Мы хотели еще одного ребенка! Все время хотели! – возразила мама, пряча глаза. – Просто так уж вышло, ты должна мне поверить.

Надя в изумлении смотрела на маму. Ведь перед ней была ее родная мать, которую она любила больше всего на свете. И эта самая женщина сейчас опять лгала ей, Надя чувствовала это. Да, да, мама снова обманывала ее, причем очень неуклюже и... нагло.

– Папе было уже за сорок, а тебе почти сорок, – заявила Настя. – Извини, но если вы хотели завести второго ребенка, то почему так долго ждали? Вашей старшей дочке было девятнадцать, и вы ждали почти двадцать лет – чего, мама?

Та не отвечала, избегая смотреть Наде в глаза. Девушка продолжила:

– Настя пропала... вернее, стала жертвой дяди Крюка...

– Я же сказала, не произноси его имени! – прошипела мама. – Этого дьявольского имени, имени этого исчадия ада!

– В мае 1985 года, – закончила Надя фразу, будто не слыша слов матери. – А через пару дней убийцу поймали. Затем его линчевали в конце июня того же года. А я на свет появилась в апреле 1986 года! К тому времени вы уже переехали в Москву. Не считаешь ли, что как-то уж слишком оперативно все произошло? Двадцать лет не получалось, а не прошло и года с момента смерти горячо любимой дочки, как у вас рождается новый ребенок!

– Я же сказала, так вышло, – пробормотала мама. – И не

тебе об этом судить, Надя! Как ты осмеливаешься задавать родителям подобные вопросы?

– Какие вопросы, мама? – воскликнула Надежда. – Я еще не задала ни единого вопроса, заметь! Или ты сама хочешь сказать мне что-то? Например, признаться в том, что вы... – Девушка запнулась, чувствуя, что горло свело спазмом. Однако упрямо продолжила: – Что вы решили подарить жизнь другому ребенку, так как маньяк убил вашу старшую дочку? Потому что вы иначе не могли жить, и новый ребенок стал шансом для вас начать новую жизнь. Надеждой на то, что все будет, как раньше...

Надя смолкла. Мама, старательно разглаживая складки на платье, ничего не отвечала.

– И вот еще что, – добавила девушка. – Насчет моего имени. Ее звали Настя, меня нарекли Надей. Очень похоже, не так ли? Звучит почти одинаково! И я, кстати, помню, что в детстве отец частенько называл меня отчего-то Настей, что мне ужасно не нравилось. Он очень долго привыкал к тому, что зовут меня не Настя, а Надя. Но тогда я этому особого внимания не уделяла. Точнее, и не задавалась вовсе вопросом, отчего папа путает два имени. Скажи, мама, отчего вы меня так называли?

Мама, все еще не поднимая глаз, проронила:

– Ты же знаешь – в честь твоей бабушки, матери твоего папы. К сожалению, ты не застала ее в живых, а она была замечательной, просто замечательной женщиной!

– А ее точно звали Надеждой? Или, может быть, как-то иначе? – напряглась Надя.

И тут мама не выдержала. Подняв голову, она твердо заявила:

– В чем ты нас обвиняешь, дочка? В том, что мы подарили тебе жизнь и все эти годы любили тебя? В том, что заботились о тебе, холили и лелеяли тебя?

– Я не обвиняю, мама, а хочу понять, – устало произнесла Надя. – Вы называли меня Надеждой намеренно или случайно? Вот что я хочу знать! Я стала как бы воплощением вашей надежды на размеренную, счастливую жизнь как можно дальше от города, в котором... в котором умерла ваша дочка Настя?

– Я не намерена тебе ничего объяснять! – простонала мама. – Ты ведешь себя просто возмутительно! У нас в семье случилась такая трагедия, а ты разговариваешь со мной, будто ты прокурор, а я подсудимая!

Наде внезапно стало стыдно за свое поведение. Мама, конечно же, права. Девушка сделала шаг по направлению к ней, но та отстранилась с возгласом:

– И вообще, давай прекратим этот ненужный разговор! Ты теперь знаешь правду, и что, тебе стало лучше? Видишь, именно поэтому мы от тебя все и скрывали!

– Мама, извини, пожалуйста, я не хотела... – начала Надя, но мама, сверкнув глазами, оборвала ее:

– Смотри, к чему привело твое любопытство – у отца ин-

фаркт. Не дай бог, он умрет... Тогда его смерть будет на твоей совести!

Надя в ужасе взглянула на маму. Как та может говорить подобные вещи? Никогда еще она не видела родительницу в таком гневе.

– Ты же знаешь, что я не нарочно, мама, – промолвила Надя тихо. – Мне очень жаль, что так получилось...

– Тебе очень жаль, Надя? Если тебе в самом деле очень жаль, то забудь обо всем этом, – с упреком сказала мама. – И не мучь ни отца, ни меня своими неуместными вопросами. Что было, то прошло! И вообще, я считаю, тебе пока не стоит посещать его в больнице.

Женщина поспешно вышла из гостиной, а секундой позже хлопнула дверь. Надя поспешила следом и обнаружила, что мама заперлась в спальне. И ни за что не хотела выходить! Как ни старалась Надя, как ни уговаривала, та не реагировала на ее слова и не отвечала на просьбы.

И вдруг девушка поняла – мама заперлась у себя в спальне не потому, что обижена на дочь. Не потому, что считает ее виновной в инфаркте отца. И не потому, что Надя уж как-то особенно оскорбила ее своими замечаниями и расспросами. Нет, мама ушла к себе по той простой причине, что, находясь в спальне, с полным правом могла игнорировать вопросы Нади и не посвящать ее в перипетии давних событий, имевших непосредственное отношение к Насте, своей старшей, давно погибшей дочери.

– Значит, мама, ты наотрез отказываешься говорить со мной? – спросила Надя.

Снова не получив ответа, она оделась и покинула квартиру родителей. А по дороге домой мучительно размышляла о произошедшем.

Сегодняшний день полностью изменил ее жизнь. И не только потому, что у отца случился инфаркт. Она узнала, что у нее имелась старшая сестра, ставшая жертвой серийного убийца Онойко. Сестра, которую она была призвана заменить – в этом Надя уже не сомневалась. И если бы Настя не стала жертвой маньяка, родители точно не завели бы второго ребенка.

Выходит, своим появлением на свет Надя обязана смерти Насти! Ей сейчас так хотелось ненавидеть свою старшую сестру, которую она не имела возможности знать, однако она просто не могла ненавидеть ее. Да и за что, собственно, ненавидеть бедную девушку, которая в девятнадцать лет стала последней жертвой кровавого маньяка и чье тело до сих пор не найдено?

Заснуть в ту ночь Надя так и не смогла. Москву накрыла небывалая жара, даже ночью температура не падала ниже двадцати пяти. Но дело было вовсе не в аномальных метеорологических условиях. Ворочаясь в кровати, Надя все размышляла о Насте.

Как бы ей хотелось иметь старшую сестру! В детстве она завидовала тем детям, у которых имелись братья или сестры.

И много раз маленькая Наденька просила родителей подарить ей братика или сестренку. Но только теперь она поняла, отчего ее невинные просьбы каждый раз вызывали гневную отповедь отца и слезы матери. Да, только теперь...

Какой была бы Настя, если бы не погибла двадцать пять лет назад? Наверняка у нее были бы сейчас собственные дети, возможно, уже взрослые...

Затем мысли девушки переместились на кошмарную кончину сестры. Умирать ужасно в любом возрасте, но ведь Настя умерла в девятнадцать лет! И не просто умерла, а была убита. Жестоко убита одним из самых жутких маньяков Советского Союза, проклятым дядей Крюком. Как же хорошо, что он давно получил по заслугам!

Тут Надя вспомнила статью в Интернете. Как же так? Выходит, что маньяк снова принялся за свое? Четверть века спустя после своей кончины? Совершеннейшая ерунда! Разумеется, это выдумки желтой прессы. Но ведь факт остается фактом – кто-то в Заволжске, родном городе ее родителей и старшей сестры, снова принялся за бесчеловечные убийства. Конечно, не дядя Крюк, а какой-то мерзавец, его кровавый подражатель. Только какая разница, кто именно...

Понимая, что так и не заснет, Надя встала, зажгла настольную лампу и включила компьютер. Часы показывали без двадцати три ночи. Была суббота. Это значило, что на работу завтра идти не надо, и она может позволить себе просидеть хоть всю ночь в Интернете. Ничего, утром можно будет по-

дольше поспать.

Надя принялась просматривать информацию о дяде Крюке и его жертвах. Выяснилось, что в Интернете имелось предостаточно данных об убийце-нелюде. Существовало даже несколько сайтов, посвященных исключительно ему и его злодеяниям. На одном из них девушка обнаружила фотографии дяди Крюка, то есть Романа Андреевича Онойко. Мужчина лет тридцати с небольшим, заурядной внешности, с залысинами и глубоко посаженными глазами. Вроде даже симпатичный. Надя тотчас одернула себя – как она может так думать о человеке, убившем ее сестру и еще как минимум двадцать шесть человек, разрушившем семейную идиллию ее родителей?

Маньяка казнили жители Заволжска – взяли штурмом психиатрическую больницу, где его содержали, проверяя на предмет вменяемости, выволокли на берег Волги, облили бензином и подожгли. А затем маньяк, объятый пламенем, прыгнул с высоченного обрыва в реку.

Надя вспомнила: отец, кажется, обмолвился, что сам присутствовал при смерти монстра. Да, да! Причем с канистрой в руке. Неужели... неужели отец принимал участие в казни Онойко? И облил его бензином, а потом поджег? Выходит, ее отец – убийца, пусть и жестокого маньяка?

Ни один из участников расправы над маньяком не был задержан и не понес наказания. Власти желали скорейшей стабилизации обстановки в Заволжске, и если бы те, кто учинил

над Онойко расправу, предстали перед судом, это наверняка привело бы к настоящему бунту. Поэтому по официальной версии дядя Крюк покончил жизнь самоубийством, сиганув с тридцатиметрового обрыва в Волгу. Но его тело, несмотря на широкомасштабные многодневные поиски, так и не нашли.

Имелся на сайте и список жертв, и последней в кошмарном перечне значилась Анастасия Панченко. Здесь была и ее фотография, верно, полученная владельцами сайта от одного из одноклассников девушки. Со снимка на Надю смотрела юная школьница, чрезвычайно похожая на нее саму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.